

АЛЕНА САВЧЕНКОВА ВАРЯ МЕДНАЯ

ХАМЕЛТЕОНША

ИДДК ТАЙНА КРОЛЯ

Алена Савченкова
Варя Медная
Хамелеонша. Тайна короля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69566818

Хамелеонша. Тайна короля:

Аннотация

Прошлое настигло меня в виде письма от королевы: в нем она пригласила мою семью на празднование Зимнего Солнцеворота. Вот только, как оказалось, у нее есть тайный мотив желать моего приезда. Да и таинственный незнакомец следует за мной по пятам... А значит, настало время развязать те узелки, что крепко связывают меня с венценосной семьей

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	78
Глава 7	92
Глава 8	111
Глава 9	122
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Варя Медная, Алена Савченкова Хамелеонша. Тайна короля

*Посвящается моей любимой маме, благодаря
которой родился огнепоклонник.*

*И поездкам в Чехию и Баку в 2018–2019 гг,
вдохновившим на него.*

© Медная Варя, Савченкова Алена

© ИДДК

Пролог

Темные времена

Толпа вытягивается, почти выплескивается в ее сторону. Рты кривятся, что-то бессвязно крича, потерявшие осмысленность глаза мечутся по ее фигуре, жрец с закатившимися глазами кружится на месте возле бронзовой чаши, из которой валит дым, дергаясь в экстатическом танце, а ритмичные удары барабанов то почти оглушают, то нисходят до едва слышного стука.

Ноги подламливаются, отказываясь идти, но ее тут же подхватывают с двух сторон стражники и тащат – почти несут – вперед, к площадке с начертанным в центре знаком. Вокруг горят огни. И ноги вдруг снова обретают жизнь, упираясь изо всех сил. Из груди вырывается вопль, смешиваясь с криками остальных.

Она разворачивается и бросается обратно, пытаясь прорваться сквозь гущу тел в спасительную темноту.

– Ида! – прорезает тонкий крик рев толпы.

Ее взгляд мечется, пытаясь отыскать его источник, и, наконец, замечает юное лицо. Та, кто кричала, подпрыгивает, протягивая к ней руки, и она протягивает свои, но в следующий миг ее уже отдергивают.

– Ида!

– Лина, беги!

Ее швыряют на алтарь, прямо на знак, выбивая дыхание. На лодыжках защелкиваются обручи, которые кажутся сделанными из тех же камней, из которых сотворена эта площадка.

Мир переворачивается, и все те, кто только что смотрел ей в глаза, оказываются сверху, глядя на нее со смесью страха и восторга. Ее руки бестолково дергаются в кандалах, трясут их, словно пытаясь разорвать сталь. Ритм меж тем нарастает, а на губах выкрикивающего обрывки фраз жреца пузырится пена.

Она в последний раз в отчаянии встряхивает стальные обручи, поднимает голову и... каменеет.

Наступившая тишина оглушает сильнее последнего, самого громкого, удара барабана. Скрюченные пальцы безвольно обмякают, когда в начале живого коридора появляется Он.

Даже отсюда чувствуется исходящий от него жар. Люди же, оказавшиеся рядом, с криками отшатываются, прижимая ладони к обожженным лицам, стряхивая искры со вспыхнувшей одежды и благословляя того, из-за кого их кожа покрывается воспаленными волдырями.

Его первый шаг посылает по земле огненные трещины – такие же, как и те, что покрывают его тело. Кажется, разойдись они чуть шире – и огненная стихия выплеснется из него, прорвется наружу, захлестнет эту обезумевшую толпу и весь мир.

И разум скукоживается, уползает куда-то вглубь, оставляя на поверхности лишь страх, животный ужас перед тем, кто медленно приближается к ней.

Лица людей качаются из стороны в сторону, руки вздымаются в ритме его шагов, и разум вдруг выталкивается обратно, хватая ее руками пику из рук стражника, остолбенело таращащегося на пришедшего, и направляет тупой конец меж широко раскинутых ног.

Миг, жгучая боль, и толпа захлебывается вдохом, с ужасом глядя на ту, кто посмела осквернить алтарь.

Мгновенное облегчение – ритуал не свершится, – и на губах неожиданно проступает кривая улыбка.

– Ида!

Вместе с этим криком из круга вырывается тонкая фигурка и замирает в нескольких шагах от толпы. Грудь девушки тяжело вздымается, направленные на нее глаза расширены.

И не успевшее схлынуть облегчение сменяется леденящим ужасом, потому что тот, от кого отделяет неудавшийся ритуал, медленно поворачивает голову.

– Лина, беги!

– Ида!

Падающие со щиколоток кандалы, легкость в теле и осознание непоправимого, когда вместо нее на алтарь кидают ту, которая только что кричала ее имя.

Глава 1

Семнадцать лет спустя после событий первой книги

– Госпожа! Госпожа!

Ко мне через белое от снега поле неся слуга, размахивая пергаментным свитком. При виде свисающей с него королевской печати я поняла причину непривычной суетливости. Меня охватило не меньшее волнение, но внешне я ничем его не выдала.

– Вам срочное послание, госпожа, – выпалил слуга, запыхавшись, и остановился рядом.

Я протянула руку.

– Благодарю, Туэйн. И будь добр, не бегай больше, как дворовые мальчишки.

Потупившись, он спрятал руки за спину. Сломав печать, я быстро пробежала глазами строки. Горло стиснуло, но я постаралась внешне остаться спокойной. Снова скатав свиток, я повернулась к управляющему.

– Ну так что у нас с зерном на гумне, Якоб?

Лица обоих мужчин вытянулись: они явно были не прочь узнать, что в послании.

– Смолотили и уже провеяли, миледи.

– А Белобокая отелилась?

– Ждем на днях.

– Мельницей плотник занялся?

– Уже приступил.

– Хорошо. Ты еще здесь? – повернулась я к слуге поблизости.

Тот подскочил.

– Простите, госпожа! – И бросился обратно к паласу¹.

Мы с управляющим тоже медленно двинулись обратно через поле, продолжая обсуждать дела. В морозном воздухе кружили снежинки, задувал ветер.

Во внутреннем дворе пахло свежеструганным деревом: замок все еще достраивался, и палас был частично обнесен лесами.

Слева раздался стук, сопровождаемый короткими выдохами. Я повернула туда голову.

– Кисть держи ровнее, Эли, – бросила я мальчику лет девяти, нападавшему с деревянным мечом на подростка с тренировочной болванкой.

Оба прервались, чтобы поклониться мне, и продолжили бой. Я придержала платье, переступая через брошенные кем-то доски.

– Это убрать. Мой муж вернулся с охоты? – повернулась я к снова возникшему рядом Туэйну.

– Еще нет, госпожа.

– Как только это случится, я сразу отправлю к вам Туэйна, миледи, – вмешался Якоб.

– А где Алект? – Я остановилась на крыльце.

¹ Жилой дом во дворе большого замка.

– Не видел, когда шел к вам, – тоже остановился Якоб. – Но вы же знаете своего ребенка – может быть где угодно.

Кивнув, я отдала последние распоряжения и поднялась к себе.

* * *

В комнате развернула свиток и еще раз медленно его перечитала. Прикрыв глаза, какое-то время сидела неподвижно. Королева в самых любезных выражениях приглашала наше семейство на празднование Зимнего солнцеворота и дня рождения ее сына. Прежнюю королеву, леди Йосу, отправили в дальний храм, а потом пришла весть, что она скрылась, и больше о ней не слышали.

Снова распахнув веки, я поднялась, приблизилась к комоду и достала оттуда тридцать два медальона². Вернувшись в центр комнаты, уселась на полу и разложила их вокруг.

С них на меня посмотрели тридцать два короля – по портрету на каждые полгода жизни сына Людо. Я тайком заказывала их художникам и теперь, вглядываясь в миниатюры, с которых на меня смотрели почти разные люди – настолько по-разному передали его лицо, – пыталась угадать, какой же из них ближе всего к оригиналу.

Некоторое время спустя во дворе раздался шум. Встав, я

² Овальные миниатюры размером с ладонь.

приблизилась к окну и увидела кавалькаду всадников. Впереди на крупной серой лошади ехал мужчина лет тридцати с небольшим. Грузный, но все еще красивый: фигуру облегал пурпур из бархата, каштановые волосы разметались по плечам, на губах сияет улыбка. Слуги тотчас засуетились, встречая хозяина.

Внезапно дверь внизу распахнулась, вперед выбежала фигурка и остановилась перед крыльцом.

– Отец!

Я вздрогнула от этого окрика и посмотрела на девушку, которая уже бросилась к приехавшему. Волосы цвета лесного пожара выплеснулись по ветру. Подбежав к мужчине, она схватилась за стремя.

– Как охота, отец? Долю раздавали вы? Как новые гончие своры? А птицы были ловкими? – закидала его вопросами она.

– Алектю! – улыбнулся он, спешиваясь.

Закинул руку ей на плечо и принялся делиться подробностями охоты. Она обняла его за пояс, глядя со слепым обожанием, и оба двинулись к паласу.

Отойдя от окна, я собрала медальоны, убрала их обратно в комод и спустилась в трапезную.

* * *

Там уже накрывали на стол. Рогир расположился во главе

стола, Алекто сидела по правую руку. Свита травила шутки и гремела чарками, в которые служанки торопливо разливали вино.

Когда я вошла, два рыцаря пытались запихнуть в камин, где уже жарилась косуля, еще и кабана прямо в шкуру. Сок брызгал на угли, шипя и наполняя помещение чадом. При виде меня люди смолкли, установилась тишина.

Друг Рогира, учивший смеявшуюся Алекто, как правильно рыгать, поспешно отодвинулся. Она тоже подняла голову, и лицо тотчас помрачнело.

– Анна, – приветствовал меня муж, поднимая чарку, – присоединишься?

– Благодарю, милорд. Но мне не хотелось бы мешать вам. Боюсь, Алекто тоже уже пора. – Я глядела в пол, со сложенными на подоле руками.

– А вот я хотела бы остаться, – с вызовом вздернула подбородок она.

– Мне нужна ваша помощь, – с нажимом произнесла я. Резкий выдох, звук не менее резко отодвигаемого стула, и Алекто поднялась.

– Спокойной ночи, отец. – Она поцеловала руку Рогиру. При этом лицо ее снова неувовимо изменилось, смягчась.

– Иди, дитя мое. – Чинно поцеловал он ее в лоб. Алекто не глядя промчалась мимо меня. На лестнице я ее нагнала.

– Пойдите, Алехто.

– Я не сделала ничего дурного! – резко развернулась она.

– Неужели вам сидеть вместе с рыцарями. К тому же вы там единственная девушка.

– Но ведь рядом отец!

Меня передернуло, как всегда происходило, когда она так его называла.

– И именно поэтому он должен был сказать, что леди не подобает так себя вести.

– Я всего лишь хотела послушать о его охоте!

– Поймите, я желаю вам лучшего.

– И не понимаете, что это лучшее для меня и есть!

Дверь перед моим носом захлопнулась. Поставив какое-то время, я двинулась вниз по лестнице.

На первом этаже ко мне приблизился управляющий.

– Вам что-нибудь принести, госпожа?

– Ничего не нужно, Якоб. Только... воды и засахаренных апельсинов.

– Слушаюсь, госпожа.

Вскоре он вернулся, протягивая мне миску, наполненную тонкими оранжевыми ломтиками с изгибающимися краями, и кубок.

– Благодарю.

Взяв принесенное, я вышла наружу.

Войдя в часовню, ненадолго задержалась перед образом Праматери, чтобы сотворить молитвенный жест, и, сняв со стены факел, спустилась в крипту. Медленно приблизившись к каменному ковчегу, щедро украшенному резьбой, поставила рядом тарелочку с апельсинами.

– Привет, – произнесла я, не сводя с каменного ящика глаз. – Знаю, сегодня не воскресенье, но вот, это тебе. – Я пододвинула угощение и кубок с водой – Людо ведь не пил вино.

– Пришло послание от королевы. Она приглашает нас ко двору. Представляешь, я наконец-то встречу с твоим сыном!

Сердце, заключенное в ковчеге, конечно же, молчало.

– Порой мне не хватает сил... Рогир слишком много тратит, а до окончания строительства замка еще далеко. И Алекто, она... хороший ребенок, но я не думала, что с хорошими детьми может быть так трудно...

Еще какое-то время я продолжала делиться с Людо тем, что скопилось в душе, а потом рядом раздался шорох. Я посмотрела на выглянувшую острую мордочку с несколькими седыми волосами.

– Тоже пришел? Вы же недолюбливали друг друга.

Вульпис чихнул и, стянув с тарелки ломтик апельсина,

скрылся в темноте.

– Это я его впустила, – раздался с лестницы голос.

Обернувшись, я увидела замершую на ее середине Алекто.

– Что вы здесь делаете?

– Якоб просил передать, что Белобокая отелилась.

– Хорошо, ступайте.

– Зачем вы приносите ему это? – кивнула она на апельсины, игнорируя мои слова, и принялась спускаться. – Так ведь не принято...

– Он это любил.

– Странно, что вы постоянно ходите сюда, словно он может вас слышать.

– Для меня – может.

– Разговариваете с тем, кого давным-давно нет, – продолжила Алекто, останавливаясь рядом. – И даже не с ним, а с...

– Идите, Алекто.

– Дядя Людо то, дядя Людо се... – передразнила она.

– Алекто!

Ее глаза сверкнули.

– Должен же кто-то вступить за дядю Людо, чтобы вы оставили его в покое.

– Немедленно прекрати!

– Знаете, а я понимаю, почему он умер. Потому что это был единственный шанс избавиться от вас!

Хлопок, и ее голова дернулась. Алекто прижала ладонь

к щеке, с изумлением глядя на меня. Я тоже с недоверием посмотрела на свою руку, которая только что это сделала.

— Алекто, я не... — потянулась я к ней.

В ее глазах блеснули слезы. Всклипнув, она развернулась и бросилась прочь.

Когда я поднялась во двор, там уже никого не было. Вздыхнув, я сжала пальцы и двинулась к паласу.

* * *

Когда вошел Рогир, я сидела перед зеркалом, причесывая волосы. Их я крашу с шестнадцати лет. Среди массы смоляных волос затесалась одна честная прядь — седая. Ее я не крашиваю — это моя пожизненная траурная лента по Людо.

— Как вы, миледи? — спросил Рогир, приближаясь. Опустив руки мне на плечи, он принялся массировать их.

Я почувствовала хмель. Многие бы сказали, что мне повезло с мужем: еще довольно молод, весел и хорош собой, несмотря на то что невоздержанность в вине оставила свой отпечаток на его лице и теле. К тому же не задавал лишних вопросов и принял Алекто, которая родилась здоровой доношенной девочкой через пять месяцев после нашей первой ночи. Как ни странно, он даже привязался к ней. Более того, нашел в своем генеалогическом древе далекого рыжеволосого предка. В общем, у нас был брак по полному взаимному согласию: он женился на моем титуле, я вышла замуж

за его деньги.

– Прекрасно, милорд. А как ваша охота?

Рогир принялся рассказывать о последних трех сутках, что он отсутствовал, попутно раздеваясь.

– Позвольте помочь, – произнесла я, когда он потянулся к сапогам.

Сидевший на краю кровати Рогир отпустил сапог и сделал позволяющий жест. Опустившись на колени, я стянула сперва правый, затем левый.

– Мне передали, что пришло послание с королевской печатью. – Он внимательно глядел на меня сверху вниз.

– Да. Королева приглашает нас на празднование Зимнего солнцеворота и дня рождения ее сына, который приходится на Двенадцатую ночь³. Через месяц.

– И вы хотели бы поехать?

– Разве мы можем отказаться?

– Ехать ко двору затратно. Придется шить наряды, к тому же понадобятся средства на пребывание там.

Такой ответ Рогира мне даже в голову не приходил.

– Боюсь, королева неправильно поймет, если мы откажемся, – с нажимом произнесла я.

Он поднял руки, позволяя мне стянуть котту. О грудь ударился талисман – антилопа с заостренными, как пила, рогами, которые, по поверью, могут подрезать деревья. Дар семьи Рогира заключался в склонности к охоте и умению на-

³ Праздник, знаменующий окончание увеселений Солнцеворота.

ходить дичь. На моей собственной груди не было ничего.

– Я не могу пока дать ответ, – опустил руки он.

Развесив одежду на перекладине, установленной на двух других перед камином, я вернулась к нему. Рогир протянул руку и погладил кончиками пальцев мою шею.

– Ты очень красива, Анна.

В свете очага его глаза жарко блеснули.

– Ты могла бы?..

Не отрывая их, он потянул меня вниз, глядя при этом так, будто я была змеей, которая может в любой момент ужалить.

Опустив глаза, я снова встала на колени.

– Конечно, милорд.

Потянувшись к завязкам на его штанах, я принялась распускать их.

Когда все закончилось, он увлек меня на кровать, посадив поверх. Я хотела снять с себя камизу, но Рогир остановил.

– Постой. Ты могла бы сегодня снова?.. – Взгляд на ряд пузырьков, выстроившихся на полке. И снова эта неуверенность. Порой казалось, что муж меня боится.

Я на миг замерла.

– Конечно, милорд.

– Сегодня пусть будет Хельта, – остановил он, когда я протянула руку к одной из склянок.

– Как скажете.

Поставив ее на место, я прижала к губам указанный флакон с чужой каплей крови.

Пару мгновений спустя мои волосы посветлели, груди потяжелели, а тело раздалось, приобретя пышные формы, которыми сама я никогда не отличалась.

Глаза Рогира вспыхнули. Он жадно сжал мои груди и перекатился, подминая под себя.

Позже, когда он уснул, я выскользнула из постели, достала из комода медальон, который нравился мне больше всего, и прошептала:

– До встречи, Омод.

* * *

Алекто бежала не разбирая дороги. Щека все еще горела. Как же она ненавидит дядю Людо! И как странно ненавидеть того, кого никогда не знала...

Но именно из-за него они с Эли и Каутином все делали не так, сколько она себя помнит. Порой казалось, мать не считала их родными.

Она не заметила, как Эли впервые отразил удар Каутина, потому что при этом у него была неправильная стойка. А то, что Каутин получил свой меч в тринадцать – ничего особенного, потому что дядя Людо получил свой в девять. Что уж говорить о вышивке самой Алекто...

В голове всплыла недавняя – а хотя уже и довольно давняя – встреча с Гарди, стариком из деревни, куда они с матерью наведывались, чтобы угостить виллан на Солнцеворот или

проверить, как идет плетение корзин.

Алекто всегда успокаивала работа смуглых пальцев, умело перекидывающих прутья.

— Что, опять? — поднял брови он при виде ее.

Алекто уселась рядом на крыльцо — солнце уже садилось, но оно было еще теплым.

— Негоже ссориться с матушкой, — покачал головой Гарди, когда она промолчала.

— Никто и не ссорился. — Она взяла лозу и неловко перекинула ее.

— Опять из-за... Я ведь знал его еще мальчиком.

— Нет... — выпалила Алекто и тут же осеклась. И тут же не выдержала: — Просто я ненавижу его... Ненавижу!

Гарди только головой покачал.

— Ревновать к мертвецам бесполезно — они всегда лучше нас.

Алекто опомнилась и встряхнула головой. Казалось, в руке до сих пор лоза, которую Гарди тогда забрал у нее, чтобы умело вплести в корзину.

Теперь, когда в голове немного прояснилось, она поняла, что бредет среди заброшенных домов в стороне от первой деревни, которая была тут шестнадцать лет назад. Тут уже давно никто не жил, и только вмерзшие в землю лопасти мельницы поскрипывали на ветру. Алекто зло швырнула в одну

из них камень, и он отскочил с гулким звуком.

Она поежилась. В замок возвращаться не хотелось. Что ее там ждет? Снова смотреть на то, как мать лицемерно опускает глаза перед отцом? А Алекто-то чувствует, что ему при ней не по себе... Но делать нечего: на улице холод, а ее наряд не предназначен для долгих прогулок.

Она сделала еще несколько шагов, когда под ногами вдруг образовалась пустота. Удар ладоней о камни, боль в боку, и ноги с силой приземлились во что-то холодное.

Она подняла голову. Небо теперь маячило над ней. Казалось, она смотрит на него в широкую трубу. Алекто промокнула садящий висок, и на пальцах блеснула кровь. Ваалу, да она на дне старого колодца! Провалилась сюда, даже не успев вскрикнуть. Правда, он не так глубокий, как мог бы быть, поскольку его частично засыпали.

Какое-то время она все же пыталась звать на помощь. Вконец охрипнув и осознав, что криков никто не услышит, поставила ногу на выступ и ухватила за торчащий камень. Ей удалось подняться не больше чем на два фута, когда нога сорвалась, и Алекто снова упала на дно, больно ударившись. От отчаяния она саданула кулаком по стенке. Как же глупо! Она замерзнет здесь насмерть, и никто даже не узнает, где она... Разве что отец однажды найдет на охоте. При этой мысли Алекто стиснула зубы и снова ухватила за камень, и снова сорвалась. Потерев плечи, задержала дыхание, чтобы остановить подступающие слезы.

Внезапно стало темнее. Вновь подняв голову, она обнаружила, что над колодцем нависает какой-то силуэт. Волосы незнакомца серебрились в свете луны, но лица не было видно.

– Хватайся, – хрипло произнес он, протягивая руку.

Помедлив, Алекто поставила ногу на камень и попыталась дотянуться.

– Не могу!

Он опустил руку еще ниже.

– Давай.

Еще чуть-чуть...

Наконец, их пальцы сомкнулись, и Алекто крепко ухватила за руку и потащила вверх. Когда их лица оказались вровень, глаза незнакомца вспыхнули белым огнем – или так показалось? – а потом Алекто повалилась на землю, судорожно кашляя и пытаясь отдышаться. Немного придя в себя, она подняла голову.

– Спасибо...

Но слова замерли на губах: незнакомца нигде не было видно. И не было даже следов на земле, которые могли бы указать, куда он ушел – только ее собственные.

– Эй, вы где?

Поднявшись, она еще какое-то время озиралась вокруг, даже обошла несколько покосившихся домов, но безрезультатно. Потерев онемевшие плохо гнущиеся пальцы, вздохнула и направилась в замок.

Когда Алекто вошла, к ней сразу бросилась Хольга.

— Где вы были, миледи? Ее светлость ждала вас еще час назад! — запричитала жена управляющего.

— Я... ходила подышать свежим воздухом.

— Надеюсь, воздух был очень свежим, — раздалось сверху.

Мать стояла на площадке лестницы, и выражение ее лица было холоднее недавнего колодца.

Алектю промолчала.

— Пусть миледи проводят в ее комнату, и вели Эли и Каутину прекратить поиски, — бросила она управляющему и, отвернувшись, удалилась.

Поправив сползшее одеяло, которое набросила на нее Хольга, Алекто двинулась вслед за женой управляющего.

Оказавшись в своей комнате, она еще какое-то время прислушивалась к голосам, а потом все стихло. Ее все еще мелко трясло от холода, а в животе забурчало. Ее то ли наказали, то ли за всей этой суетой забыли принести поесть. Но больше чем есть, хотелось сейчас выпить чего-то горячего. Отец однажды дал ей попробовать тайком от матери горячего вина со специями. Вот бы и сейчас чего-то такого!

Какое-то время поборовшись с собой, Алекто все же приложила ухо к двери и, убедившись, что снаружи ни звука, выскользнула из комнаты.

Двигаясь осторожно, она пошла вперед. И все-таки как странно все было с незнакомцем! Алекто вспомнила его голос: хрипловатый и вместе с тем такой... такие звуки слышны близ камина, когда трещат угли. На мгновение ей показалось, что серебристые в свете луны волосы стали рыжими. А потом это быстрое исчезновение. Хотя он мог запросить немалую сумму за ее спасение...

Тут раздался какой-то звук, и Алекто остановилась, поняв, что он шел из главного зала. Приблизившись, она различила интонации матери. Через приоткрытую дверь было видно и ее саму. Мать расхаживала по залу, сжимая пальцы, ее обычно тщательно заплетенные волосы разметались по плечам, как у девушек, а лицо было искажено от волнения.

– Ты не понимаешь... Мне это нужно! – Дойдя до конца зала, мать резко развернулась. – Покажи его!

Ей что-то, наверное, ответили, хотя Алекто ничего не слышала.

– Нет, сейчас же! – вскричала мать, швырнув что-то в стену.

А потом вдруг упала на колени.

– Как ты не понимаешь, я должна увидеть его...

Алектю вдруг различила какой-то контур. Или не контур... просто что-то огромное, похожее на тень, словно перетекало по залу. Граненные когти неслышно переступали по полу.

Внезапно стена напротив словно подернулась дымкой, и там появился силуэт. Он был похож на... идущего озираясь человека. Или даже юношу. Так мог бы выглядеть Каутин, если б был шире в плечах. И если б имел привычку зачесывать волосы назад пятерней...

Мать вдруг резко втянула в себя воздух и выдохнула с облегчением.

– Спасибо...

Туман рассеялся, и перед Алекто снова предстал их пиршественный зал. Никогда еще она не видела свою обычно сдержанную мать такой, как сегодня. Даже не подозревала, что та может такой быть.

Мать оперлась ладонью на пол и медленно поднялась. Взгляд Алекто задержался на среднем и указательном пальцах ее правой руки. Они негнулись, как она знала. Но мать никогда не рассказывала, как это произошло, а Алекто, конечно же, не спрашивала. Попятившись от зала, где та уже заплетала волосы обратно в косу, Алекто поспешила к лестнице. Почему-то пить, как и есть, расхотелось.

Глава 2

На следующий день Рогир еще спал, когда я поднялась и снова погрузилась в дела. Но чем бы я ни занималась, мысли мои витали около свитка и послания королевы.

Супруг проснулся ближе к обеду и сразу спустился в главный зал, где вчерашнее пиршество продолжилось.

Позже, когда я шла по двору, направляясь к вилланам, чтобы проверить, как продвигается плетение корзин для ярмарки, ко мне подбежал Эли. У него были каштановые волосы и улыбка Рогира.

– Матушка! – выпалил он. – Я хотел бы показать вам бой с Каутином.

– Для этого пока рано, – бросила я не останавливаясь. – Я видела вчера, как ты бьешься. Ты все время опускаешь кисть и попадаешься на его самые очевидные провокации.

Мальчик сник и остановился.

– Да, миледи.

– У Эли получается уже гораздо лучше, миледи, – подал голос с бревна тот, кто составлял ему компанию в тренировочном бое.

Только на этот раз вместо тренировочной болванки он держал в руках настоящий меч. Рядом был прислонен лук.

– Тебе стоит беспокоиться не об этом, а о том, что вчера ты взял всего семь мишеней из десяти, Каутин. Мне доложил

рыцарь-наставник.

Подросток опустил голову, сделавшись похожим на Рогир на следующий день после пьянки, когда тот узнавал, что разбил что-то из утвари.

Мельком глянув на крыльцо, я заметила, что за нами наблюдает Алекто. Встретившись со мной взглядом, она тотчас скрылась внутри.

Подняв повыше меховой ворот, я вышла во внешний двор, где меня уже ждал управляющий.

Когда я вернулась в палас, солнце клонилось к горизонту. Рогир, как выяснилось, уже снова уехал на охоту, верно, забыв о том, сколько стоит содержать гончую свору, свиту друзей и охотничье обмундирование.

* * *

Он вернулся лишь на следующий день. Спешиться ему помогли слуги. Ступив на землю, Рогир поморщился и поджал ногу.

– Что случилось? – быстро приблизилась я.

– Милорд повредил на охоте, – отозвался один из рыцарей его свиты, сэр Вебрандт.

– Не волнуйтесь, миледи, – подал голос Рогир. – Это всего лишь царапина. – И тотчас снова скривился.

Я раздраженно посмотрела на его ногу – повреждение, очевидно, было не из тех, что проходят за день.

– Помогите милорду, – обернулась я к стоящим рядом слугам.

Те подхватили его под руки и повели к паласу. Я шла за ними, стискивая зубы при виде того, как Рогир буквально висит на них.

Оказавшись в спальне, он повалился на постель.

– Лекаря, – коротко бросила я слуге.

Через час, сделав все, что мог, лекарь удалился.

– Не тревожьтесь, это пустяк, – улыбнулся Рогир и потянулся к кубку с вином.

– Вам не стоит сейчас пить.

– Это мое болеутоляющее! – возразил он.

Увы, лекарь прописал ему вино и посоветовал есть побольше мяса, чтобы восполнить силы.

– Отдохните, милорд. Не буду вас сейчас утомлять.

– К Ваалу отдых! – взмахнул рукой он, похожий сейчас на капризного обиженного ребенка.

Тем не менее вскоре он уснул, а я отправилась проверять, как продвигается починка мельницы. Вернувшись же, обнаружила, что Рогир уже снова в пиршественном зале вместе со свитой.

Оттуда раздавались взрывы смеха. Поврежденная нога была устроена на стуле перед ним.

– Разве вы не должны были отдыхать и восполнять силы, милорд?

– Ерунда! Что, как не компания друзей, восполнит силы

лучше всего? – рассмеялся он, хлопнув доньшком о стол.

Через час Рогира в спальню уже уносили – рана открылась и начала кровоточить. Он не сопротивлялся, только изредка что-то бормотал. Бледное лицо блестело от испарины.

Вскоре у него поднялся жар. Повторно вызванный лекарь сказал, что ему следовало побыть в покое, а теперь состояние ухудшилось.

– Сколько займет восстановление?

– Не могу сказать, миледи: месяц, может быть, два.

– Два месяца?! – воскликнула я.

Мы должны были выехать в королевский замок самое позднее через три недели.

– Не тревожьтесь, миледи, – проямлил Рогир. – Вечно эти костоломы сгущают краски. Завтра я буду совершенно здоров.

Но назавтра состояние было таким же.

– Похоже, как я и сказал, придется ответить ее величеству, что мы не сможем приехать ко двору, – тяжело дыша, произнес муж, пока я готовила ему прохладный компресс.

Я с силой отжала тряпку.

– Мы ведь уже обсудили, милорд, что это будет расценено, как...

– Ты же видишь, в каком я состоянии. Верно, этот лекаришка что-то напутал, и мне стало хуже.

– Мы не можем отказаться, – с нажимом повторила я.

– Лора...

– Не называйте меня так.

– Прости, Анна. Но это даже к лучшему. Нам теперь не придется тратить на шитье всех этих тряпок. К тому же мое ранение должно послужить достаточно уважительной причиной для ее величества.

– Это ведь должен был быть и первый выход Алекто в свет...

Рогир вздохнул. Для него это был аргумент.

– Тогда что, если вам ехать пока без меня?

– Что?

– Я мог бы приехать следом, как оправлюсь.

– Но как мы отправимся одни, без сопровождения главы семьи?

– С вами будет Каутин, ему поможет Вебрандт. А я присоединюсь чуть позднее. Празднование ведь будет продолжаться несколько недель.

Я задумалась над его словами.

– Что ж, если вы считаете, что так будет лучше...

– Хотя вы по-прежнему можете остаться.

– Думаю, предложенный вами вариант будет лучше всего, милорд, – произнесла я, укладывая компресс ему на лоб.

В мыслях я была уже в дороге, чувствуя облегчение от того, что ранение Рогира никак не повлияет на встречу с Омодом.

Сборы начались на следующий день. Хольга помогла мне осмотреть наряды и выбрать среди них те, что годились для королевского двора. Но все же Рогир был прав: часть придется сшить.

Вызванные портнихи полдня были заняты тем, что снимали мерки с Алекто, Эли и Каутина. Эли с опаской смотрел на множество игл, воткнутых в его наряд, и то и дело тоскливо поглядывал на окно, за которым раздавались крики его друзей-пажей.

– Миледи, мне уже можно идти?

– Стой спокойно, если не хочешь, чтобы все эти иголки оказались в тебе.

Он вздохнул и тут же ойкнул, когда кончик той, что держала ворот, кольнула его в подбородок, словно призывая держать голову выше. Со двора снова донесся счастливый возглас одного из пажей, и Эли помрачнел.

– Может, и зря мы взяли этих пажей на воспитание, – обернулась я к Рогиру. – Полгода у нас пока никак не улучшили их манер.

– Такова традиция, – откликнулся он, ковырнув драгоценный камень на кубке, куда сегодня налили лекарственное питье вместо вина. – Мы, как сеньоры, обязаны брать на обучение детей вассалов.

Я повернулась к Алекто. Та стояла с непроницаемым лицом, но изредка в глазах вспыхивало затаенное любопытство, когда она следила за ловкими руками портнихи.

– Хочу платье вот такого цвета, – ткнула она в бордовую ленту.

– Алекто, вы же знаете, что наши цвета чернь с серебром, – заметила я.

Позади крикнули: цвета на гербе Рогира – бордовый с желтым, но при заключении брака я не стала сдвигать герб.

Наконец, закончив дело, портнихи удалились. Я заказала два платья того же фасона, что было на мне: черное с минимальной проймой.

Вскоре в комнате остались только я и Хольга.

– Не верится, что мы туда поедem, – произнесла я, стоя возле окна и глядя во двор.

Рядом мелькнул рыжий мех, подернутый серебристыми волосками. Пристроившись на подоконнике, вульпис свернулся кольцом. Эли уже носился с пажам, больше дурачась, нежели тренируясь на мечах.

– Вам, должно быть, хочется оказаться среди леди вашего круга, – отозвалась жена управляющего, поправляя на мне шаль.

– Едва ли среди тех леди есть кто-то моего круга, – обронила я, думая об Омоде.

Какой будет эта встреча? Как он проводит дни? О чем думает? Чем живет?

– Тебе тоже стоит заказать что-то вроде шапочки. – Опустила я взгляд на вульписа, проведя пальцем по его макушке, где шерсть росла короче.

Хруст фыркнул и, соскочив с подоконника, направился к двери.

– А как же королева? Вы ведь были когда-то знакомы в ее бытность принцессой?

– Да. Были, – коротко бросила я, отворачиваясь от окна. – Кстати, в мое отсутствие пусть твой сын Туэйн поможет Якобу с управлением.

Лицо Хольги вспыхнуло от счастья.

– Благодарю, госпожа!

– Надеюсь, все уже в рабочей комнате?

– Должны быть, миледи.

– Хорошо.

Когда я вошла в рабочую комнату, женщины встали и поклонились. Алекто, только что с улыбкой болтавшая с одной из них, поджала губы.

Поздоровавшись, я прошла к своему месту и взялась за вышивку.

– Все могут вернуться к работе.

Женщины снова уселись, и вскоре комнату наполнило жужжание прядильных инструментов и мельтешение игл.

В положенное время я поднялась.

– Алекто, идемте со мной.

Она отложила рукоделие и тоже встала.

– Начнем, – повернулась я к ней, когда мы оказались в комнате, предварявшей нашу с Рогиром спальню.

Она обреченно выдохнула.

– Что это? – потянулась я к ее виску, где виднелась подживающая ссадина. – Вы ударились?

– Пустяк, – дернула головой Алекто, уклоняясь, и первой выхватила один из пузырьков.

Мгновение помедлила, а потом перевернула его на язык. Зажмурилась – так, будто приняла яд.

– Не нужно так напрягаться. Просто уберите все мысли из головы.

Она сверкнула глазами и вновь прикрыла веки. Сжала кулаки. Через какое-то время мышцы на ее лице мелко задрожали, как если бы пытались принять новую форму, но, так и не приняв, остались прежними.

Она устало выдохнула и открыла глаза.

– Не выходит!

– Вы все же держитесь в напряжении. Поглядите, как это делаю я.

Взяв пять пузырьков, я капнула по очереди содержимое на язык. Давно уже не было той горячей болезненной волны, выламывающей тело, как цепи – колос на гумне, и мучающей его после отдачей. Я ощутила лишь небольшую тошноту, когда что-то вошло в меня, передав новые черты. Спокойно глядя на Алекто, я переживала, пока пять обликов сменяли друг друга – после будет лишь небольшая дурнота. Слегка

раздраженно стряхнув последний, я подняла брови.

Алекто стояла, не произнося ни слова.

– Вы увидели?

– Да, миледи.

– Тогда завтра продолжим.

Поклонившись, она вышла за дверь, а я прошла в спальню и опустилась на стул перед трюмо с зеркалом и положила лоб на ладони. Алекто уже шестнадцать через полтора с небольшим месяца, а она еще ни разу не перекидывалась. Однажды мне показалось, что почти прорезались новые черты, но это скорее была гримаса напряжения.

– Что же мне делать? – вслух произнесла я.

Полузатухшие угли в камине внезапно с треском выпустили пару искр, и на меня повеяло запахом восковницы и дыма... Вздвогнув, я обернулась. Быстро приблизившись к камину, затоптала их ногой. Нет. Нет больше никакой восковницы и дыма!

Запахнув резко озябшими пальцами шаль, я покинула спальню.

* * *

Добежав до своей комнаты, Алекто упала на постель. Мышцы еще ныли от недавнего напряжения. В какой-то момент ей показалось, что подступает то самое – превращение, – и ее захлестнула паника вперемежку с надеждой. Но

потом это отступило, и осталась только слабость.

Алекто со злостью ударила о комод, и умывальный таз на нем подпрыгнул. Покрывавшие его голубые цветы были уже местами истерты.

Она ущербна, что тут скажешь! В ее возрасте многие девушки замужем, а то и имеют пару-тройку детей, а она даже не прошла инициацию. Она потянулась к шее, где ничего не висело. Мать тоже не носит талисман-покровитель – но это потому, что он ей не нужен.

Алекто в сотый раз представила лицо отца в тот миг, когда ему сообщат о том, что она наконец перекинулась. Наверняка он посвятил бы ей охоту, а то и закатил потом пир, на котором Алекто наконец посмотрела бы на других как равная, с высоко поднятой головой. А вместо этого она смотрит во время занятий на мать, которая с трудом сдерживает разочарование при виде дочери, не могущей сделать простейшую вещь – почувствовать родовой зов крови.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Куда приятнее думать о предстоящей поездке. Алекто представила, как появилась бы при дворе в платье того самого бордового оттенка, что показала портнихе, – такой цвет как раз на гербе отца. Как вытянулись бы лица дам и кавалеров, которые бы, расступившись, пропустили ее к королю и шептались бы за спиной о новоприбывшей. А король...

Алекто знала, что он молод и, наверное, хорош собой. Он посмотрел бы на нее, подал руку и...

Тут за окном раздался резкий звук, и Алекто, вскинув голову, увидела сокола. Он парил в воздухе и, казалось, смотрел прямо на нее. Нахмурившись, она поднялась и подошла к окну. Цветные ромбики разбивали птицу на желто-красно-синие части. Алекто почудился внимательный взгляд.

Сокол не был похож ни на одну из птиц отца. Он был крупный, уже немолодой и, очевидно, очень дорогой. Алекто пожалела, что не может открыть створку и протянуть к нему руку.

Раздался стук, и в комнату заглянул Эли.

– К тебе можно?

– Конечно.

– Вот, это тебе. – Приблизившись, он протянул руку.

– Что это? – Алекто с любопытством посмотрела на сжатый кулачок, из которого свисал плетеный шнурок.

Брат разжал пальцы, и Алекто с растерянностью уставилась на кожаный круг, в центре которого был изображен кто-то похожий на ящерицу, у которой блестел красный глаз-камушек.

– Это украшение на шею, какие леди носят, – покраснев, пояснил он. – Мы ведь скоро поедem ко двору, и тебе такое нужно.

– Где ты его взял? – изумилась Алекто, осторожно беря подарок, напоминавший талисман-покровитель.

Она была тронута.

– Сам смастерил, – с гордостью ответил Эли.

– Он чудесен. Поможешь надеть?

Эли с готовностью накинул шнурок на ее опущенную голову.

– Спасибо. – Выпрямившись, Алекто погладила подарок. Брат просиял.

Опомнившись, она обернулась к окну, но теперь за цветными стеклышками виднелось лишь небо.

– Поможешь мне? – Она прошла к сундуку и достала припрятанные куски пирога с инжиром и пряностями.

Тяжелые и плотные, они были одним из ее любимейших лакомств. Отогнув край пергамента, Эли восторженно повел носом.

– И как ты умудрилась пронести их с ужина!

Алектю только плечом повела.

– Уметь надо.

Забравшись с ногами на кровать, они разделили угощение. Алекто откусила кусочек, чувствуя, как лопаются под зубами крупинки. Само тесто, и без того тугое, стало уже жестковатым, но этот недостаток сглаживала сладость.

– Как думаешь, что будет при дворе? – спросил Эли, потянувшись за следующим куском.

– Не знаю. – Алекто с деланным безразличием стряхнула с остатка пирога крошки, прежде чем отправить его в рот. – Должно быть, дамы будут скучны, а король будет как все короли.

– Будто ты много королей знаешь!

– Уж поболее тебя, неуч! – кинула она в него подушку.

Оба знали, что учитель, который к ним приходил, заставил зубрить список королей с древнейших времен, что Алекто, кстати, и сделала. Ее он обучил начаткам грамматики, тогда как образованию Эли и Каутина, конечно же, уделялось основное внимание.

Эли каждый раз едва мог дотерпеть до конца занятий. Мысли его разбегались, как воробьи, которых он любил гонять с друзьями-пажами.

Когда с пирогом было покончено, Эли с сожалением вздохнул и поднялся.

– Ну, пока.

Алектто приблизилась к зеркалу и погладила подарок. Отчего бы и не быть при дворе лучше других леди?

Глава 3

Три недели пронеслись быстрее, чем можно было предположить. Дела с ногой Рогира обстояли уже лучше. Он мог и вовсе оправиться, если бы не пренебрегал постоянно советами лекаря. Я заканчивала последние приготовления. Наряды были уже сшиты и даже уложены. Ларец с драгоценностями я решила с собой не брать, ограничившись лишь несколькими украшениями для нас с Алекто.

Наконец, настал день отъезда.

– С вашего разрешения, я возьму с собой печати, милорд.

– Вам не придется особо мне писать, миледи. Я приеду вскоре за вами. Мне лучше с каждым днем. – Он шевельнул ногой и поморщился.

Я покрутила в руках печать.

– Такое послание побоятся открывать, милорд.

– Хорошо, вы правы.

Порой наши разговоры с Рогиром походили на беседы двух незнакомцев.

– Позвольте вам помочь. – Проковыляв к выходу, он открыл передо мной дверь.

– Благодарю. Вам следует поберечь себя.

Двор застилал белым одеялом снег. Щеки покалывало. Я обернулась в последний раз на обнесенный лесами замок. Холода усилились, и строительство пока приостановили.

Следом вышла Алекто, рядом с которой семенила Хольга.

– Вы ведь взяли гребень? – волновалась жена управляющего.

– Конечно, Хольга, не беспокойся.

– А каль?⁴ На ночь ведь непременно нужен каль. В королевском замке наверняка сильно дует.

– Ты ведь сама его и уложила...

– Ах да. Ну а ту свистульку, с которой вы лучше всего засыпали?

– Хольга, мне ведь уже не семь.

– А...

– Не волнуйся. – Алекто обернулась и, положив руки ей на плечи, заглянула в глаза. – Я отправляюсь в королевский замок, а не на край света.

Вздохнув, жена Якоба накрыла ее руку своей.

– Берегите себя, миледи.

Поцеловав ее в лоб, Алекто скользнула в повозку, не взглянув на меня.

Хольга приблизилась к мужу, и тот обнял ее за плечи. Когда-то он принял ее, несмотря на все, что произошло во время нападения Скальгердов.

– Оставляю хозяйство на тебе, Якоб, – протянула я ему руку. – И на вашего сына.

⁴ Каль – плотно облегающая голову шапочка. В Средневековье мужской и женский домашний головной убор типа чепчика, который также надевали на ночь. Его еще носили слуги.

Хотя, конечно, правильнее было бы сказать «сына Хольги».

– Слушаюсь, миледи. Будьте спокойны.

– Знаю, что могу на тебя положиться.

Рогир вышел в сопровождении Эли и Каутина, шедших по обе стороны от него. Эли едва ли не подпрыгивал от нетерпения, а Каутин шагал с серьезным лицом, поддерживая отца и внимательно слушая его последние наставления. Впрочем, несложно было догадаться, какие: если пьешь, не показывайся матери на глаза, щипать только служанок, если получил оскорбление – бить обидчика. Не знаю, что там было последним, но Каутин покраснел.

– Да, отец, – произнес он, склонив голову, и Рогир положил на нее ладонь, а потом отвесил легкий подзатыльник.

– Ну все, иди.

Эли с Каутином взобрались в седла, а я повернулась к Рогиру.

– До скорой встречи, миледи, – поцеловал он мне руку.

– До скорой, милорд.

Я уже едва видела его лицо. Мысли мои были далеко. Взяв на руки подбежавшего вульписа, я села в повозку, и мы тронулись в путь.

Помимо нас с Алекто в ней никого не было – мы не взяли других женщин в сопровождение. Алекто до последнего высывалась в окно и махала Рогиру.

– Перестаньте, Алекто, это становится неприличным.

– Как может быть неприличным прощаться с отцом? Да и кто нас видит? – возразила она.

– Свита в полном составе. Вы должны помнить о манерах, чтобы не забывать о них и в королевском замке.

– В королевском замке порицают любовь к родителям? – вздернула подбородок она.

Я вздохнула.

Алекто резко откинулась на спинку сидения и скрестила руки на груди. Какое-то время сидела так, а потом покопалась в дорожном мешке и протянула вульпису кусочек вяленого мяса. Зубы у него были уже не те, чтобы расправиться с ним в один момент, но какое-то время слышалось усердное чавканье. Затем установилась тишина, если не считать шума колес и стука копыт.

Когда мы отъехали к полям, я все же попыталась ее чем-то разбавить.

– Вы уже решили, какое платье надеть первым?

– Они все одинаковы: скучные и глухие.

– Это не так: у черного с неглубокой проймой идет небольшая вышивка по краю, а у другого даже прилагается пояс...

Я все же не смогла сдержать неодобрения в голосе, вспомнив платья. Куда лучше скромные, без всяких украшений, могущих зацепиться за что угодно – к примеру, за чей-то взгляд.

На этом мои мысли потекли к вопросу о том, как примут Алекто при дворе. Скользнув взглядом по ее волосам, я

мысленно приглушила их цвет. Предок предком в генеалогическом древе Рогира, но никто не может помешать людям шептаться за спиной. Вдруг придворные будут коситься на Алекто, Эли и Каутина точно так же, как всегда косились на Морхольтов? Даже невзирая на то, что теперь наша древняя кровь разбавлена кровью рода Рогира...

Мимо окна проехал Эли. Его лицо светилось от восторга, щеки покраснелись – скоро они совсем обветрятся. Надо бы наказать лекарю, которого мы взяли с собой, чтоб составил на первом же привале мазь.

– Эли, будь осторожен, не свешивайся так с седла.

– Не беспокойтесь, миледи, со мной все хорошо! – крикнул он, на ходу разбив палкой комок снега на придорожном кусте.

Ледяные крупинки брызнули во все стороны.

– Я за ним пригляжу, – негромко произнес Каутин, подвезжая, и выхватил у Эли палку.

Тот надулся и отвернулся к заснеженному полю, а потом прищипорил коня и приблизился к едущему на ослике лекарю, похожему в своем ворохе одежд на куль, и принялся терзать его вопросами, вроде тех, могут ли волосы расти вдвое быстрее, если к ним прикладывать подорожник.

Скользнув взглядом по белому насту, покрывавшему все вокруг, насколько хватало глаз, я перевела его в повозку.

Алекто о чем-то задумалась, рисуя пальцем узор на сиденье. Я же задумалась о месте, в которое мы едем. Более не су-

ществовало прежнего замка на Хидрос. Вернее, он был, но с тех пор, как озеро полностью обмелело, а прежний Покровитель погиб, или вернее будет сказать «прекратил существование», все там начало приходить в упадок. Судя по слухам, та же участь постигла и сад, и даже камни стен начали разрушаться на глазах, что вынудило людей переселиться в новое место. Там уже когда-то был древний город. Королевская семья заложила новый замок и основала вокруг столицу.

Это чужеродное слово рождало в голове тревожные мысли. Те города, в которых мы с Людо когда-то успели побывать, не вызывали ничего, кроме желания поскорее их покинуть. Что если и это место окажется столь же отталкивающим?

Впрочем, какое мне дело до всего этого, если совсем скоро я увижу Омода! Сердце забилося чаще. Я безотчетно погладила сиденье, в сундучке под которым ехал мой любимый медальон.

Лицо Алекто стало слегка озабоченным. Она изредка хмурилась и покусывала губу – похоже, и ее одолевали какие-то сомнения. Но со мной она ими, конечно, не делилась.

Тут повозку тряхнуло, и мы остановились.

– В чем дело?

– Менестрель больше не может ехать верхом, – подъехал сэр Вебрандт.

– Так пусть ему помогут.

– Он совсем озяб, – пояснил Каутин. – Быть может, вы

возьмете его к себе? Хотя бы на время.

– Конечно нет! Ты ведь знаешь, что мы с Алекто не можем ехать в компании постороннего мужчины.

– К нам мог бы подсесть Эли, – предложила Алекто. – Для соблюдения приличий.

Я поджала губы.

– Что ж, ладно, пусть менестрель сядет. А Эли пусть останется в седле.

Мужчины помогли ему забраться к нам, поддерживая так, будто он уже приготовился скончаться. Тяжело плюхнувшись на сидение, музыкант какое-то время только хрипел с прикрытыми глазами. Наконец, распахнул их и уставился на нас с Алекто, которая пересела и теперь была рядом со мной.

– Простите, миледи и миледи, – голос его звучал надтреснуто, – я не приучен к поездкам верхом. Передвижение в телеге куда как проще и привычнее для моих костей.

– Буду вам очень благодарна, если вы воздержитесь от упоминания частей своего тела при моей дочери.

Мужчина, возраст которого, верно, уже плотно подобрался к четвертому десятку, покраснел. Примерно через час он полностью обогрелся и даже попробовал струны виелы смычком, сокрушаясь, что инструмент мог потерять свое «дивное» звучание из-за пытки холодом.

– Посмотрите, миледи.

Я повернулась, но Алекто смотрела не на меня, а в окно на лес. Вдоль дороги, на границе света и тени, бесшумно нес-

ся какой-то силуэт. Изредка он отставал, но потом снова выныривал, стараясь держаться наравне с повозкой. Последние лучи упали на него, и глаза вспыхнули желтым огнем. Вульпис зашипел.

– Отодвиньтесь от окна, Алект, – быстро произнесла я.

– Это волк, – встревоженно произнесла она.

– Вижу. Но он один, а нас много, он не посмеет приблизиться. Беспокоиться не о чем.

Снова выглянув через какое-то время, я с облегчением отметила, что волк пропал.

На ночь нам с Алект установили шатер. Судя по взгляду менестреля, он был не прочь тоже там переночевать. Но его пустили лишь на время ужина, чтобы развлекал нас. Мужчина водил смычком по струнам инструмента, негромко подпевая хриплым и одновременно звонким голосом. Алект забыла об исходящей паром чаше с бульоном, задумчиво глядя на него. По губам блуждала легкая улыбка: мысли ее были далеко. В углу посапывал Эли. Каутин вызвался остаться на дежурстве, хотя как сын лорда не обязан был этого делать.

– А сыграйте еще «Алые рукава», – попросила Алект.

– Про короля, влюбившегося в простолюдинку? – приподнял седеющие брови мужчина.

Алект чуть порозовела, или это на нее упал отблеск от жаровни.

– Да. Наш жонглер временами исполнял.

Может, и стоило запретить сейчас такую вольную, судя по

описанию, песню. Но при мысли о том, как замкнется лицо Алекто, я сдержалась. Ссориться с ней не хотелось.

Этот менестрель не так давно пришел в замок. Он пожил у нас от силы недели две, когда мы получили послание от королевы. В нем упоминалось, чтобы мы по возможности привезли с собой музыканта. От мысли взять старого деревенского жонглера, не отличавшегося разнообразием композиций и, по слухам, исполнявшего на деревенских празднествах песни, не предназначенные для ушей леди, я отказалась. Тот же, что сидел сейчас с нами, знал песни других краев, которые Алекто с жадностью слушала.

Мужчина ударил смычком по струнам, и воздух словно завибрировал. Алекто подперла щеки кулаками, блестя глазами. Я же едва вслушивалась в слова, глядя через щель от полога на ночной пейзаж. Там тихо падали снежинки.

В какой-то момент, когда я почти задремала, мимо шатра словно бы скользнула тень, пошевелив полог. Может быть, кто-то из стражи? Я поднялась и сделала движение в сторону выхода.

– Куда вы? – удивленно позвала Алекто.

– Оставайтесь здесь, я скоро вернусь.

Я вышла наружу, подняла повыше меховой ворот и двинулась в сторону деревьев. В лицо пахло холодом. От палаток расположившейся в стороне свиты доносился смех: там бренчала посуда, и весело трещал огонь.

Услышав шуршание, я опустила глаза. Вульпис тоже по-

смотрел на меня, словно вопрошая, что же там такое, за деревьями.

– Не знаю, – шепнула я.

Приблизившись к кромке леса, я отодвинула ветви и вгляделась в темноту. С веток посыпалась снежная крошка и упала Хрусту на нос.

Я сделала еще несколько шагов, когда впереди снова что-то мелькнуло. Где-то внутри свернулся в тугой узел жар – знак того, что Покровитель рода Морхолът рядом и услышит при надобности мой зов. Нужно будет лишь добраться до ко-стра...

На этой мысли среди черных, будто вырезанных из обугленного пергамента, стволов нарисовался силуэт. Он застыл, и только волосы чуть раздувались от ветра... Меня тотчас перенесло на мост в саду, которого больше не существовало... Жар на дне моего существа сменился ледяной волной, поднявшейся с ног до головы. Я сделала было шаг назад, и снег звучно хрустнул под сапогом.

– Миледи?

Обернувшись, я наткнулась на стоящего позади Каутина.

– Что с вами? Почему вы здесь? – встревоженно спросил он. – Вам нехорошо?

Я снова обернулась к чаще, но там уже никого не было. Или не было изначально и все это лишь игра моего воображения?

– Все в порядке, я лишь вышла подышать воздухом – в

шатре слишком душно. Ну что ты, право, как Хольга.

Каутин смущенно опустил голову. Он и правда иногда напоминал наседку и был чересчур ответственным для своих менее чем пятнадцати лет. Казалось, что глава семьи он: старший сын вел себя куда разумнее и ответственнее Рогира.

– Тогда я провожу вас обратно.

Я положила руку на предложенный локоть, и мы двинулись к шатру. Там Алекто уже весело болтала с менестрелем. Мужчина время от времени сопровождал слова аккордами, словно желая подчеркнуть те или иные мысли.

Когда мы вошли, она оборвала смех, поспешно приняв более сдержанный вид.

– Каутин! – Она поднялась навстречу. – Как твое первое дежурство?

Он снова чуть смутился и принялся делиться подробностями, постепенно воодушевляясь. Они уселись возле жаровни, и Алекто подала ему мяса с лепешками. Его рассказ звучал так, будто он говорил не о долгом глядении в темноту, а о сражении с полчищами чудищ.

Я поднялась и двинулась к уголку, где спал Эли. Похоже, его не пробудил бы не то что брат, но и все присягнувшие Рогиру воины, одновременно явившиеся рассказать о своем дежурстве.

– Я ухожу уже до утра, – бросила я.

Алект, Каутин и менестрель поднялись, с почтением склонив головы.

Я повернулась к сыну, прежде чем задернуть штору:

– Проследи, чтобы Алектó легла вовремя.

– Да, миледи.

Кивнув, я дернула ткань, отгораживаясь от остальных.

Глава 4

На следующий день стало еще холоднее, хотя в том месте, куда мы ехали, должно было быть теплее, чем в наших краях.

Менестреля я выпроводила обратно на осла, в компанию к лекарю. Лишь позволила, по просьбе Алекто, его инструменту остаться в повозке. И теперь он изредка приглушенно бренчал струнами – словно скучая по хозяину, – когда она подсакивала на камнях.

– Миледи... – раздалось какое-то время спустя.

Я проследила взгляд Алекто. Он был прикован к вновь появившейся серой тени, мчавшейся наравне с повозкой вдоль леса.

– Вижу. Не будьте трусихой. Это всего лишь волк. И отодвиньтесь от окна, если не хотите играть с ним в гляделки.

Она послушно отпустила ткань, но оставшегося зазора хватало, чтобы видеть, что животное не отставало.

– Давайте лучше потренируемся.

Ее лицо расстроено вытянулось.

– Но мы же в дороге...

– Дорога не означает, что мы должны пренебречь своим долгом и привычками.

Вздохнув, она подчинилась, но сегодня выходило еще хуже, чем обычно. У меня тоже не получалось сосредоточиться.

Наше занятие было прервано внезапно – снаружи раздался вой.

– Их уже двое! – воскликнула Алект, выглянув наружу.

– Не отвлекайтесь.

Когда я выглянула спустя время, волков уже не было видно. Не появились они и через два часа, и через два дня, и я окончательно успокоилась.

Все случилось неожиданно – еще через два дня.

Нашу повозку тряхнуло, и мы остановились.

– Что там такое? – недовольно позвала я, выглядывая в окно. – Опять кто-то замерз?

– Что-то там неладно, миледи, – ответил сэр Вебрандт, подъезжая. – Впереди свалены бревна, перегораживают дорогу.

– Мы можем как-то их убрать или объехать?

– Дело не в этом, миледи. – Рыцарь хмурился, поглядывая по сторонам. – Дело в том, что...

Слова замерли у него на устах, потому что на краю леса показался какой-то оборванец.

– Кто это?

– Отодвиньтесь от окна, миледи. Быстро, – приказал он, выхватывая меч.

А потом раздалось дикое ржание, потому что другой, такой же оборванец, появился возле повозки и всадил животному нож в бок. Незнакомцы посыпались со всех сторон, окружая нас, такие же грязные и оборванные, как их това-

рищи.

Закричали рыцари, замелькали клинки, взвились на дыбы кони, мечась в панике.

– Что происходит? – испуганно прошептала Алекто.

– Сиди здесь. Сэр Вебрандт сейчас со всем разберется.

Но сэр Вебрандт был занят тем, что отбивался от трех оборванцев, один из которых схватил его коня под уздцы. Два других пытались выбить его из седла цепом и дубиной.

С их самодельным оружием, у нападающих не было бы ни единого шанса против рыцарей, но их оказалось в два раза больше.

– Кто они? – Алекто сидела блее мела.

– Разбойники.

Ее глаза широко распахнулись.

– Но... но...

– Тише, Алекто.

Я быстро думала.

Но единственной разумной мыслью было то, что мы выберемся, лишь если рыцари сумеют отбиться. Мысли металась, как руки кухарки, взбивающей масло.

– Мы могли бы вызвать Покро...

– Как вы предлагаете развести костер в повозке? – раздраженно перебила я, сама понимая, что вызов Покровителя решил бы сейчас нашу проблему.

Но явиться защитник рода Морхолът может лишь через огонь, а разжечь его на дороге посреди заснеженного леса не

представлялось возможным.

Тут я увидела Каутина. Он что-то прокричал и направил коня в нашу сторону, но его сразу же перехватили двое нападавших. Каутин одним ударом свалил первого, но второму удалось подобраться к нему и потащить с седла...

Я быстро повернулась к Алекто и, сунув руку под сиденье, протянула ей кинжал.

– Держи. Сейчас ты побежишь к лесу и укроешься там. Если кто-то приблизится, бей не раздумывая.

Она вцепилась в рукоять до побелевших костяшек.

– А вы? – Ее била мелкая дрожь.

– Я сделаю то же самое.

Вот только второго кинжала у меня не было.

– Миледи...

– Живее, – распахнула дверцу я.

Глянув в последний раз, Алекто выпрыгнула наружу и бросилась к лесу, от которого нас отделяло около пятидесяти ярдов⁵. Подобрав подол, я покинула повозку следом за ней.

Наст ломался под подошвами, бок кололо от быстрого бега. В стороне Эли испуганно смотрел на разбойника, у которого каким-то чудом выбил дубину, и на которого теперь наставлял свой укороченный меч. Он получил его перед выездом и так им гордился... Я невольно замедлила бег.

В этот момент в меня и врезалось тело. Холодный удар о снег, и меня рванули за волосы.

⁵ 1 ярд = 0,91 м

– Куда это ты собралась?

Я попыталась ударить нападавшего, но мою руку перехватили и сжали так, что белый лес почернел.

С трудом я все же подняла голову. Перед глазами прыгал и дергался силуэт бегущей к лесу Алекто. Еще чуть-чуть... каких-то двадцать ярдов.

Она мельком обернулась на ходу и тут же споткнулась, увидев меня на снегу.

– Мама!

– Нет, Алекто! Беги!

Она явно разрывалась между приказом и порывом броситься ко мне и тут же оказалась перехвачена разбойником.

– Кто тут у нас? Гляньте, какая леди! – стиснул он ее щеки. Другой рукой обхватил поперек туловища.

Алекто попыталась отвернуть лицо.

– Убери руки!

– Побрыкайся мне еще! – тряхнул он ее.

В ответ Алекто попыталась его лягнуть. Меня охватила настоящая паника. Я с ужасом смотрела на то, как Алекто бьется, но и ее пыл быстро заканчивался.

Она металась глазами по дороге, перебегая от распростертых на земле тел к отступающим под ударами дубин и кольев рыцарям и лужам крови на снегу.

Я попыталась подняться, но меня тут же придавили обратно. Алекто снова дернулась.

– Я же сказала: убери руки!

Мелькнула сталь, и разбойник взвыл, зажимая раненую кинжалом щеку.

— Ах ты...

Он замахнулся, и тут вдруг Алекто странно изогнулась. Клинок выпал из скрючившихся пальцев.

Оборванец с удивлением посмотрел на нее, потом на свою руку, будто сомневаясь в том, успел он ее ударить или нет.

— Эй, я ее не тронул! Припадочная что ли?

Глаза у Алекто закатились. Тут в стороне завывли, и разбойник обернулся на звук.

— Какого...

Его прервала огромная, метнувшаяся к нему из чащи, тень. Миг, и он оказался буквально смят прыгнувшим на него волком. Вопль захлебнулся в бульканье, когда в шею вцепились зубы.

Теперь Алекто стояла на носках, так, будто что-то ее держало, почти приподнимая над землей. Руки разведены в стороны, грудь неестественно вывернута кверху, глаза закатились. Лицо было белее снега в обрамлении развевающихся рыже-алых волос.

Точно так же, как недавно из чащи высыпали разбойники, из нее теперь выскакивали серые тени. Дорога заполнилась криками пытавшихся убежать разбойников. Их настигали так же быстро и бесшумно, как первого.

Один из волков пронесся надо мной, и придавливающее меня тело исчезло. Я с трудом оперлась на снег и поднялась.

Поле, полное мечущихся людей, ходило из стороны в сторону.

Алекто по-прежнему стояла на носках. Когда раздался последний крик, словно оборвались удерживающие ее в таком положении нити, и она рухнула в снег. Красные волосы расправились на белом насте.

Я тут же бросилась к ней, не чувствуя онемевших ног. Тот волк, что выскочил из чащи первым, подошел к ней, лизнул в щеку, а потом отвернулся и потрусил к чаще. Вскоре он скрылся за деревьями. Словно по сигналу, остальные последовали за ним.

Я упала рядом с Алекто, схватила ее за плечи и принялась трясти, хлопать по щекам.

Ее глаза оставались закатившимися, а дыхание было таким слабым, что удалось уловить его, лишь прижавшись ухом к груди.

– Миледи, что с ней? – подбежал ко мне Каутин.

– Глубокий обморок. Помоги мне. Нужно добраться до ближайшего постоянного двора.

Каутин подхватил Алекто на руки и двинулся к повозке. Тут и там раздавались стоны рыцарей. Трое были убиты, еще пятеро ранены. Стонов разбойников слышно не было: все они остались на лесной дороге – после встречи с волками не выжил никто. Зато ни одного рыцаря свиты они не тронули.

Лекарь и менестрель лежали в стороне. Сперва я подумала, что и они мертвы, но грудь музыканта, к которой он при-

жимал виелу, то ли защищаясь ею, то ли – что скорее, – защищая ее, как самое дорогое, чуть шевелилась. А лекарь, судя по отсутствию крови, похоже, просто был в глубоком обмороке.

Каутин устроил Алекто в повозке, и я принялась тереть ее сжатые пальцы, пытаюсь расправить их и отогреть. Они были ледяными и какими-то неожиданно маленькими. Глаза у нее были уже просто прикрыты, и можно было подумать, что она спит.

К повозке, приволакивая ногу, приблизился сэр Вебрандт.

– Миледи, нужно похоронить убитых, а к вечеру или завтра мы сможем продолжить путь. – Левую руку он придерживал правой.

– Нет. Отправляемся немедленно. Убитых и тяжелораненых оставить.

– Но...

– Я сказала: немедленно! – резко повернулась я.

Он глянул на лежащую неподвижно Алекто и поклонился.

– Да, миледи.

Устроив раненых под деревьями и снабдив их запасом провизии, воды и того, что нужно для разведения костра, мы продолжили путь. Все это время Алекто не приходила в себя. Каутин то и дело подъезжал к окну, чтобы справиться о ее состоянии.

В один из таких разов я заметила, что у него на плече

кровь.

– Что это у тебя? Ты ранен?

– Ничего особенного, миледи.

– Лекарь позаботится о твоём «ничего особенного» во время остановки.

К вечеру мы добрались до постоянного двора в деревне. Рану Каутина промыли – к счастью, она оказалась неглубокой, – а Алекто уложили наверху. Закопанная под одеялами, она стала дышать глубже и ровнее.

– Я могу быть ещё чем-то полезен, миледи?

– Нет, Каутин. Ступай.

– Когда она очнется...

– Я тебя позову.

Он помедлил и, поклонившись, вышел.

Я взяла руку Алекто в свою. Пальцы уже потеплели. Потянувшись, я отвела упавшие ей на лоб волосы – вольность, которую ни одна из нас не позволила бы себе, будь она в сознании. За спиной загудел громче очаг, словно напоминая о себе.

Поднявшись, я приблизилась к нему. Не взглянув на оставленный на углях на тагане⁶ горшок, где в густом соусе колыхались жирные куски дешевого мяса, я приложила ладонь к колпаку и прикрыла глаза. Казалось, что-то во мне соединилось с пламенем. Оно взвилось, на миг ослепив, зашуршали угли, и на меня уставились два огромных, вылеп-

⁶ Железный обруч на ножках. Позволял ставить горшки на угли или в огонь.

ленных из огня, глаза с вертикальными зрачками.

Я посмотрела в ответ.

– Нужно позаботиться об убитых.

Огонь сместился, как если бы Покровитель склонил голову набок. Пламенный язык лизнул воздух в знак согласия.

Комната закружилась, хотя я знала, что это закружилось внутри меня, и в лицо дохнуло холодом зимнего леса, где с деревьев тихо осыпался снег. Три оставшиеся на земле тела вздрогнули, словно пытались приподняться, и в тот же миг развеялись пеплом. Быть может, они и их родственники предпочли бы традиционный обряд, но это самое большее, что я могла для них сделать.

Следом жар потек туда, где были люди и раненый конь. Я почти ощутила страх пятерых раненых, жмущихся друг к дружке и пытающихся поддержать тощий огонь, который им все-таки удалось развести. Они согревались горячим вином и оставленными припасами, но я ощущала, как у одного из них болезнь шкворчит в горле, подбираясь к груди, и как ноют у остальных раны, оставленные кольями и цепями.

Пламя пронеслось по жилам быстрее, чем они успели это понять. Выжгло болезнь у первого и заколыхалось островками жидкого огня в ранах остальных. Несколько вскриков, стиснутые зубы и впившиеся в землю пальцы, и огонь отступил, оставив заживленные участки.

– Теперь к госпоже, – выдохнуло пламя. Конь, от раны в боку которого ничего не осталось, заржал, и пятеро мужчин

– я ощутила это вместе с ними – почувствовали, что могут и должны нагнать нас.

Я устало привалилась ладонью к стенке очага.

– Спасибо.

Два глаза напротив медленно моргнули.

– А Алекто... она... – подняла голову я.

– Да.

– Но она Морхолът!

– Лишь наполовину, и ты это знаешь.

– Получается, что сегодня была...

– Инициация. Но не твоего рода. А рода ее истинного отца.

– Нет, этого не может быть... я не верю!

Пламя молчало, ибо такие дела Покровителей не касались.

– Благодарю тебя, Древний, – поклонилась я. – И ты мог бы... показать?

– Не сегодня. Ты знаешь, что нарушаешь правило. И быть может, время таких показов истекло, ведь совсем скоро ты встретишься с его сыном.

Я сжала пальцы.

– Не прошло!

– Рожденный в огне прощается с дочерью многоликих, – прошуршало пламя, и в комнате стало ощутимо холоднее, а огонь в очаге снова стал лишь обычным пламенем.

Я вытерла со лба пот, который почему-то был холодным.

– Миледи?

Алекто, приподнявшись на локтях, смотрела на меня.

– Что случилось? – Она растерянно озиралась вокруг. Остановила взгляд на одеялах, которыми была прикрыта, на наших брошенных впопыхах на пол вещах.

– Нет, лежите, – остановила ее я, когда она попыталась спустить ноги на пол. – Вам нужно отдыхать, чтобы восстановить силы.

Она послушно легла обратно, и я, сев на краю кровати, поправила одеяло.

– Как... что со мной произошло?

– Ты испугалась разбойников и упала в обморок. Он мог перейти в болезнь, но теперь все будет хорошо.

– А те люди?

– С ними покончено.

– Но... как?

– Сэр Вебрандт знает свое дело.

Алекто с облегчением выдохнула и прикрыла глаза.

– Ты голодна?

Она чуть кивнула и тут же сморщила нос, покосившись на очаг, где в загустевшем соусе уже пригорало мясо.

– Я распоряжусь, чтобы принесли просто хлеба с сыром и эля, – кивнула я, поднимаясь.

Толкнув дверь, я ощутила, как ее подпирает снаружи что-то тяжелое. Это оказался Каутин, спавший, привалившись к ней спиной.

– А хотя знаешь, – снова притворила створку я, – обойдемся своими запасами.

Вынув горшок со здешним ужином из очага и отставив его, я достала из котомки сушеное мясо и бурдюк. Налив в кружку меда, поставила ее на угли. Вскоре по комнате поплыл аромат пряностей.

Когда питье прогрелось, я обернула ручку кружки тряпкой, приблизилась к Алекто и протянула ее. Она неловко приняла ее и прикусила мясо, задумчиво глядя в окно. Лоб слегка хмурился, как если бы она пыталась что-то осознать.

– Вы, верно, замерзли и тоже хотите есть, – спохватилась она и протянула мне кружку так же неловко, как я недавно ей.

Следом пододвинула полотняный мешочек с мясом. Я отхлебнула напиток и вернула Алекто. Внутри начало растекаться тепло, расслабляя, и я вдруг заметила, как устала. Теперь словно что-то разжалось, и сразу же захотелось спать. Веки начали закрываться. Пожевав мяса, я знаком отказалась от добавки и поднялась, пробормотав:

– Пожалуй, мне тоже пора отдохнуть.

В эту ночь я устроилась на другой половине постели, чувствуя себя странно от того, как прошел этот вечер с Алекто. Подобного не было никогда прежде. Кажется, и она ощущала от этого растерянность.

Наконец, мысли начали мешаться, и на границе сна и яви мелькнули золотистые волосы, вспыхнули белые глаза.

– Я тебе ее не отдам, – прошептала я, прежде чем провалиться в сон.

Глава 5

Мы провели на постоялом дворе еще двое суток, пока Алекто окончательно не оправилась. Люди продолжали путь хмурые. Случившееся, как я и распорядилась, не обсуждали, но порой я ловила на лицах задумчивые выражения или перехватывала взгляды, которые они обращали друг на друга или на Алекто. Пять раненых рыцарей – уже не раненых – нагнали нас. Они помнили лишь, что почувствовали себя значительно лучше и смогли сделать это. Однако их почти затянувшиеся раны вызывали у товарищей не радость, а вопросы.

– Миледи, – раздался голос Алекто, и я опустила занавеску, прикрывавшую окно повозки. – Вы сказали, что сэр Вебрандт справился с теми людьми... – Она поежилась, но продолжила: – Но как? Ведь последнее, что я помню, – это то, как нас окружили, и тех людей было гораздо больше, а мы явно отступали.

– Волки... – подал голос менестрель, и я метнула в него такой взгляд, что он поперхнулся.

Даже струны виелы звякнули, словно сжавшись от страха.

– Опыт, – повернулась я к Алекто. – У сэра Вебрандта есть опыт в подобных делах.

Она снова приподняла занавеску и посмотрела на скакавшего неподалеку рыцаря, оставившего дома четырех доче-

рей и, быть может, сейчас размышлявшего, не ждет ли оставшаяся дома в тягости супруга пятым долгожданного сына.

— А что вы имели в виду, говоря о волках? — посмотрела она на менестреля. — Те, что нас преследовали, ведь уже давно не показываются...

Мужчина покосился на меня. Я ответила холодным выражением. Я сделала все возможное, чтобы разъединить в сознании людей нападение волков и приступ Алект, но не была уверена, что запрет на обсуждение случившегося сумел с этим справиться.

— Я имел в виду песню о волках, миледи, — прокашлялся он. — Хотите исполню? Через два куплета Алект его оставила. Песня явно была сострепана на ходу и не отличалась ни благозвучием, ни складностью.

— А что имели в виду рыцари свиты на привале, говоря о «тварях», унесших души разбойников, и...

— Прекрати, Алект!

Она сверкнула глазами.

— Кажется, я не спросила ничего особенного.

— Ты докучаешь своими вопросами.

— Их было всего три. И сегодня вас все приводит в раздражение. А еще...

Внезапно раздалось шипение. Все мы посмотрели на вульписа, который прыгнул мне на колени и теперь, вздыбив шерсть, скалился на Алект.

Она потянулась было к нему, но Хруст щелкнул зубами,

и Алекто отдернула пальцы.

– Значит, и ты теперь против меня! – выдвинула челюсть она, и в полутьме повозки ее глаза словно бы стали наливать-ся белизной. Где-то на дереве заухал филин. Сердце у меня кольнуло.

– Успокойтесь, Алекто, – накрыла я ее ладонь своей, но она выдернула руку и отвернулась к окну.

– Ну и ладно! Если всем вам хочется быть против меня, пусть так и будет!

– Никто здесь не против тебя.

Она не ответила, я же с напряжением вглядывалась в ее лицо. Глаза теперь снова были, как обычно, карие. Ну конечно же, карие! Какими им еще быть? Покровитель ошибся. Это была не инициация. Если мы продолжим упорно тренироваться, то очень скоро Алекто полноценно перекинется, и я с полным правом вручу ей талисман-покровитель рода Морхолът на пиру в честь этого события.

Тут в повозку влетел снежок, разбившись о стену и осыпав всех нас.

– Эй вы, там!

– Ну, я тебе покажу! – погрозила Алекто кулаком скакавшему неподалеку и посмеивающемуся Каутину.

Собрав снег с оконного проема, она отомстила ему ответным снежком, но Каутин легко уклонился и, пришпорив коня, скрылся из виду.

К вечеру, когда мы были на привале, прилетел голубь от

Рогира. Мы не стали сообщать ему о случившемся, чтоб не беспокоить. Он говорил, что чувствует себя лучше, но для скорейшего выздоровления лекарь прописал не разбавлять вино водой, причем отдавать предпочтение сортам с острова Сиетэ, славящимся своими свойствами (и дороговизной, мысленно отметила я), и употреблять жирное мясо. А в наших владениях, как назло, закончились кабаны, и он просит прислать с ответным голубем мой приказ нашему вассалу открыть для него охотничьи угодья. Да и его пурпуэн имел несчастье напороться на сук во время прогулки (то есть преследования косули, конечно же, как я понимала), а потом еще и промокнуть под дождем, превратившись в поникшие лохмотья, поэтому требуется распоряжение для нашего управляющего достать из кладовых новых отрезов шелка.

– Скажи господину, – повернулась я к лекарю, исполнявшему обязанности походного писца и шутившемуся сейчас в свете костра, – что наши вина ничем не хуже вин с острова Сиетэ, в которые, как я слышала, примешивают дурман для улучшения его покупательных свойств. Наш вассал должен поднимать на ноги шестерых детей, больную жену и мать, а охотничий костюм из шерсти послужит отличной заменой пурпуэну из шелка, к тому же не промокнет под дождем и сохранит тепло, а я очень пекусь о здоровье моего супруга. Что до мяса, солонина из наших погребов в последний раз помогла Каутину быстрее оправиться от простуды.

Запечатав письмо, я снова протянула его лекарю с тем,

чтобы он привязал его к ответной птице, но тут к нам подбежала Алекто.

– Это от отца? – Запыхавшись, она остановилась рядом.

Пожевав губу, я неохотно кивнула.

– Тогда передайте ему еще это, – протянула она сложенный вчетверо клочок пергамента.

Я повертела послание. Записка была очевидно тяжелей, чем весил бы просто пергамент, и под пальцами угадывался контур монеты, размерами и формой совпадавшей с золотой. Той самой, что Алекто подарили на последний день рождения.

– Алекто, вы хотите, чтобы птица не долетела до замка?

– Я лишь хочу засвидетельствовать отцу свое почтение и пожелать скорейшего выздоровления. – Ее лицо было непроницаемо.

– Что ж, вышлите двух птиц, – кивнула я к лекарю и, отвернувшись, двинулась обратно к шатру.

* * *

Алекто подсела к Каутину, строгавшему палку перед костром.

– Как ты? – Он кинул на нее быстрый взгляд и продолжил обтачивать кончик с таким усердием, что он вошел бы в бок дичи, как игла в мягкий шелк.

Алекто пожала плечами и подхватила другую палку. Про-

вела рукой, счищая снег, и сунула ее в костер. От палки повалил дым.

– Слабости почти нет.

Каутин кивнул, как если бы принял к сведению, и придиричиво оглядел заостренный с двух сторон сук, прежде чем с легким поклоном отдать его кухарке. Та приняла его тоже с поклоном – более глубоким, – уже явно раздумывая над тем, как нанижет на него ужин, жариться над костром.

Алекто откинула сырую палку, которая все не желала зажигаться, и протянула к огню пальцы.

– Я вот все думаю, каким это будет, – произнесла она, глядя на танцующие языки и поворачивая руки то одной стороной, то другой.

– Каким будет что? – озадаченно переспросил Каутин.

– Ну все... Двор, король с королевой.

Каутин пожал плечами.

– Говорят, король не старше нас с тобой, – продолжила Алекто.

– Но он сызмальства привык к управлению. А значит, он все же не такой, как мы.

– Мать учит тебя понемногу, – возразила она.

– Да, но управлять замком, а не страной.

Взгляд Алекто стал задумчивым.

– Так странно, чтобы человек одних с нами лет обладал такой властью. Наверное, он одинок, ведь рядом нет никого равного ему.

– Да она в него влюбилась! – раздался рядом звонкий голос.

Алекто рассерженно повернулась к Эли.

– Что за ерунду ты говоришь!

– Спрашивает о короле, думает, какой он – ну, точно влюбилась! – поддразнил тот.

Вскочив на ноги, Алекто отняла у него палку, на которой брат протянул к огню кусочек сладкого теста, и швырнула ее в пламя.

– Сам ты в него влюбился!

Эли от удивления даже глаза распахнул.

– Но я не могу... я же мальчик!

– Что здесь происходит? – Рядом стояла мать, как обычно, с непроницаемым лицом и со сложенными на подоле руками.

– Я лишь сказал, что Алекто неровно дышит к королю, а она зачем-то выкинула мой ужин, – сокрушенно отозвался Эли, примериваясь, как бы половчее выдернуть палку из костра.

Наконец ухватил ее, сдернул изрядно подгоревший кусочек теста и тут же, поморщившись, выронил его и стал дуть на пальцы.

Мать перевела взгляд на Алекто, и в нем ей почудилось что-то незнакомое.

– Вы не должны вести такие речи, Алекто. Король – не тот, кого дозволено вот так обсуждать. Вам не следует вовсе о нем думать.

– Скажите, что мне здесь вообще дозволено?! – раздраженно бросила Алектю и двинулась прочь широким шагом, сдерживая подступающие слезы.

* * *

Столица встретила нас шумом. Я еще не видела мест, где было бы столько людей и звуков разом. Когда мы въехали в кольцо внешней стены, нас буквально обступило мельтешение: одни что-то говорили, другие куда-то шли, третьи о чем-то ругались, четвертые пытались «задешево» всучить товар, пятые что-то просили и поднимали к окну повозки детей, прося за них.

Я кивнула сэру Вебрандту, и тот, поняв приказ, стукнул по пальцам мальчишку, уцепившегося за проем окна и выпрашивавшего милостыню. Потом порылся в котомке и кинул в толпу пригоршню монет. Люди тут же бросились подбирать медные кругляши, толкаясь и крича.

Наконец, впереди показались воины в красных с золотом табарах⁷.

– Леди Морхолт, – поклонился капитан, – мы сопроводим вас в замок.

Следовать за отрядом оказалось проще и приятнее. Люди отступали с дороги, кто-то даже со вскриком отшатнулся при

⁷ Широкие накидки без рукавов с боковыми разрезами, надевавшиеся поверх кольчуги.

виде герба рода Морхольт на вышитых тканях, которые мы свесили по бокам повозки перед въездом в город.

– Так это и есть столица? – Алекто высунулась в окно, глядя вокруг с восхищением. – Столько людей я не видела даже на ярмарке!

– Как и столько возможностей подцепить от них какую-нибудь заразу. – Потянула я ее обратно в повозку.

– А что там? – спросила она, послушно отодвигаясь и указывая на нечто вроде деревянных подмостков на площади, в центре которой стояла колонна.

Там сейчас, почесывая пузо, лениво расхаживал настоящий великан – людей таких размеров я еще не встречала.

– Наверное, место для разыгрывания мистерий⁸ и прочих представлений. Это неважно: все это развлечения для простонародья.

Во владениях Скальгердов было теплее, чем в пути. Лишь кое-где в проулках лежали грязные кучи снега. Можно было подумать, что стояла поздняя осень, а не канун Зимнего солнцеворота.

Мы преодолели еще одну стену, въехав во внутреннее кольцо, где располагался замок, и приблизились к крыльцу. Сердце у меня стучало так, что темнело в глазах. На миг почудилось, что я вижу на крыльце четыре фигуры в богатых одеждах, как когда-то. Но вот зрение прояснилось, и я поняла, что людей всего трое, и они никак не могут принадле-

⁸ Театрализованное представление.

жать к королевскому роду, судя по одежде и тусклому цвету волос. Тусклому на фоне того, что отличал Скальгердов. Я невольно коснулась волос Алекто, и она удивленно посмотрела на меня.

– Добро пожаловать, миледи, – поклонился мне один из этих троих. Он слегка коверкал слова. – Для нас честь принимать род Морхольт-Уилфред. – Он заглянул в повозку и приподнял брови, увидев, что там лишь мы с Алекто.

Я же металась глазами, ища тех двоих, что обязаны были выйти встречать нас. Если хозяева замка не выходят принять столь высоких гостей, это можно счесть оскорблением. Или так все и было задумано? Пригласить нас, чтобы прилюдно оскорбить или даже завлечь в ловушку? Я почувствовала, как внутри сворачивается жар, а существо, являющееся через пламя, поднимает голову, ощущая натяжение связующей нас нити...

– Простите, миледи, мою супругу и сына, – продолжил обротившийся к нам, не дождавшись ответа. – Король с королевой будут счастливы приветствовать вас на вечернем пиру.

Я, наконец, внимательнее к нему присмотрелась. Волосы, которые изначально показались мне тусклыми, оказались светло-каштановыми, а одежда не такой уж простой. Простым был покрой, но не сама ткань, при ближайшем рассмотрении имевшая богатый отлив. Подобные в наших краях не изготавливают, а значит, передо мной, скорее всего, непростой человек. Взгляд зацепился за вышивку из сплетающихся

ся дубовых листьев.

– Ирджи Макфи, – подтвердил догадку он, распахивая дверцу повозки, и я сошла на землю, чтобы поприветствовать супруга королевы.

– Леди Морхолт, – поклонилась я и тут же, чуть скривившись, поправилась: – Леди Морхолт-Уилфред.

За столько лет я так и не привыкла к звучанию названия рода Рогира рядом с моим.

– А где, позволено ли мне будет узнать, ваш супруг? – Особенность речи моего собеседника указывала на то, что он из других краев, но была едва уловима.

Зато глаза – такие голубые, словно в них собрались все воды его родины, явно указывали на уроженца зеленых островов.

– Мой супруг имел несчастье получить травму на охоте. Он присоединится к нам позже. Сейчас его заменяет мой старший сын.

Каутин спешился и опустился на одно колено. Консорт⁹ возложил длань ему на голову и, прикрыв веки, произнес традиционное благословение. Снова открыв их, он обвел нас своими пронзительно-голубыми глазами.

– Для нас честь принимать у себя древний род.

Слегка склонив голову, он сделал жест, приглашая нас внутрь. Я выдохнула с облегчением, не видя, а скорее чувствуя, как глазающей на нас толпе передалось почтение, с ко-

⁹ Здесь супруг королевы-матери.

торым все они отныне должны были к нам относиться. Правда, то, что даже королева не вышла встречать нас, вызывало беспокойство. У нее должна была быть очень веская причина, чтобы не отдать эту дань уважения.

Подобрав подол, я чуть повернула голову к Алекто, которая поспешно встала рядом, робко глядя по сторонам. Даже привычка слегка сутулиться вернулась.

– Держите голову выше, Алекто. Помните, что простолюдины не имеют права смотреть на вас прямо, и даже другие лорды на ступень ниже вас.

Она нервно сжала подол своего черного платья. Дождавшись, пока с другой стороны встанут Эли с Каутином, я сделала шаг под сень, вслед за консортом.

Глава 6

Вечером, когда мы вошли на пир, все на миг смолкли. Даже музыканты стали тише дергать струны и водить по ним смычками. Я ощутила, как рядом напряглась Алектос.

Я обвела присутствующих спокойным взглядом и двинулась по залу, разглядывая обстановку. Украшений в честь Зимнего солнцеворота было пока не так много, разве что в вазах на столах расставили хвойные ветви. Помещение было очень просторным. Пожалуй, здесь рыцари могли бы подносить монарху еду и питье верхом – я слышала, такое практикуют у некоторых заморских королей.

Веяло смешавшимися запахами: ароматической водой дам, брошенными на расставленные по залу жаровни травами, воском, которым были натерты длинные столы.

Пока мы шли, люди снова расступались, оглядывая наши одежды в цветах рода – черный с серебром – и перебегая глазами от одного к другому. Одна из дам, забывшись, смотрела на меня. Я посмотрела в ответ, и она смущенно отвернулась.

Я не знала, что следует делать дальше, в этой толпе незнакомцев.

– Леди Морхолт с семейством! – раздался уже знакомый голос, и нам навстречу вышел принц-консорт.

Остановившись рядом, он слегка склонил голову, и остальные придворные последовали его примеру.

– Почти все семейства уже в сборе, и скоро мы начнем пир, а послезавтра отпразднуем Зимний солнцеворот, – произнес он. – Предлагаю наслаждаться вечером, пока слуги накрывают столы!

Зверей почти не было – видать, их заперли на время пира, допустив в зал только самых благонаправных. Вульпис поглядывал на них с превосходством.

Я начала ощупывать глазами толпу, и консорт словно перехватил мысль.

– Моя супруга с сыном скоро к нам присоединятся.

После он повел беседу о поверхностных темах, которые я едва находила в себе силы поддерживать. Все мои мысли были заняты предстоящей встречей. Если б можно было оборвать его, чтоб сохранить это чувство, а не расплескивать его на необходимость отвечать.

– К слову, как вы добрались? Слышал, многие дороги в тех краях заметены.

Я кратко поведала ему, что наш кортеж подвергся нападению разбойников, умолчав о волках, и он приподнял брови. На красивом широком лице появилось такое искреннее участие, что можно было подумать, будто этому высокородному мужу и правда есть дело до того, что мы едва не погибли.

– Я поговорю с супругой о том, чтобы выслать туда отряд. Если кто-то из разбойников остался, с ними разберутся.

Его ответ заставил меня наконец внимательно на него посмотреть. Если супруг королевы и притворялся равнодуш-

ным сердечным человеком, то делал это весьма искусно. Но кто их знает, этих чужеземцев. Я даже не ведала, какие Повровители в тех краях, и есть ли они там вообще.

Интересно было и то, как спокойно он произносил «супруга» и «сын». В свое время разразилось немало шума вокруг расстроенной помолвки Бланки, которая в итоге вышла-таки замуж за своего жениха. Правда, подробностей никто не знал. Или же они не добрались до наших краев в нормальном виде, поскольку языки сплетников сплетали совершенные несуразицы.

Ирджи Макфи, насколько я знала, был старше королевы на одиннадцать лет, но выглядел почти нашим ровесником. А ведь когда-то, в шестнадцать, двадцатипятилетний мужчина казался мне почти стариком.

– Как вам двор? Это ведь ваше первое посещение подобных собраний? – обратился он к Алекто, и та сперва растерялась, а потом что-то пролепетала, глядя в пол и мучительно краснея.

– Алекто ранее не покидала пределов родового замка, милорд, поэтому прошу простить ее ответы и поведение – ей все это непривычно.

Она метнула на меня взгляд и снова уставилась в пол, теребя шнур свисающего с пояса эскарселя.

Каутин и Эли тоже держались скованно. Правда, Эли чуть лучше – даже принял сушеную сливу от пробежавшего мимо зверька. Но все же мне стало неприятно. Я вдруг увидела,

как мы смотримся на фоне других. Многие были разодеты в яркие пестрые наряды. Да и разговоры и смех, кажется, стали громче, чем в прежние времена. В итоге наши темные одежды выглядели неприлично простыми – по крайней мере, могли такими предстать в чужих глазах. Я же не понимала, зачем рядиться в платья, похожие на оперение павлинов.

Мимо прошла дама со странными рукавами. Она не только этого не смущалась, но, напротив, похоже, выставляла их напоказ.

Я резко отвернулась.

Консорт же продолжил о чем-то говорить, и Алекто даже раз или два обронила в ответ несколько слов, уже более связно.

– К слову, привезли ли вы с собой менестреля, как просила о том супруга в письме? – уточнил он.

– Да, милорд, – ответила я, удивившись тому, что он проявил интерес к такой мелкой теме.

– В таком случае он может пройти к остальным.

Я чуть обернулась. Наш менестрель, жавшийся позади, протиснулся бочком вперед.

– Как тебя зовут? – поинтересовался консорт.

На лице музыканта отразилось изумление. На моем, верно, тоже: мне и в голову не приходило спросить его имя.

– В-вальтер, сир.

– Что ж, Вальтер, ты можешь пройти вот туда.

Менестрель двинулся в указанном направлении, неуве-

ренно ступая и то и дело оборачиваясь на меня.

Я же уже забыла о нем. Мое нетерпение росло. Зал был полон гостей, но те, кого я с замиранием сердца ждала, все не показывались. Занять центральное место за почетным столом мог пока лишь консорт.

Королевское место было снабжено навесом и обтянуто золотой парчой, расшитой птицами и виноградными лозами.

Наконец, по толпе пронесся шепот, и я не увидела, а скорее почувствовала, как кто-то вошел в двери. Прежде чем обернуться, я крепко стиснула свою кисть. Давняя травма дала о себе знать – пальцы заныли.

Обернувшись, я увидела высокую стройную женщину. Она быстро шла сквозь толпу, легким наклоном головы и движением глаз отвечая на поклоны придворных.

Бланка – а это несомненно была она – умудрялась держаться скромно и при этом с королевским достоинством.

На ней было светлое бليу, а на волосах – покров, так что не виднелось ни единого волоска. Безмятежное лицо королевы ничего не выражало.

Консорт двинулся ей навстречу и протянул обе руки. Только тогда она на миг изменила своему невозмутимому выражению и быстро пожала их. При этом в лице мелькнуло что-то теплое и сердечное. Эти двое будто только что прилюдно обменялись признаниями в приязни.

Тут она заметила меня.

– Леди Морхольт-Уилфред, рада видеть вас при дворе.

– Для меня честь быть приглашенной, – поклонилась я.

Когда я распрямлялась, наши глаза встретились, и в лице Бланки мелькнуло выражение, которое я не сумела разгадать. А потом она отвернулась, и супруг предложил ей руку. Вместе они двинулись к королевскому столу.

Я же обернулась к дверям. Но в них больше никто не вошел – напротив, слуги притворили их и заняли места по обе стороны. Где же король?

Не помню, как мы рассаживались, о чем говорили люди вокруг. Помню лишь смеющиеся лица, блеск украшений, вереницу блюд, лицо Алекто, взирающей на все это со смесью восторга и легкой брезгливости; гостей, подходящих друг к другу, чтобы поприветствовать знакомых или просто обменяться впечатлениями.

В какой-то момент в общей суматохе рядом со мной оказалась знакомая фигура.

– Идемте со мной, – быстро произнесла Бланка.

– Где его величество? – тут же спросила я.

– Болен.

В груди у меня похолодело.

– Болен? Чем?

– Следуйте за мной и сами все увидите.

Я поднялась, чувствуя, как ноги словно бы преодолевают что-то густое и вязкое. Вскоре мы оказались в темном коридоре, и она сделала знак стражнику, чтобы тот освещал путь. Факел алым пятном нервно метался впереди, перед глазами

маячила светлая фигура Бланки.

– Объясните мне, что происходит? – схватила я ее за локоть.

За то недолгое время, что мы шли, я успела передумать множество ужасных вещей. Король болен... А вдруг Бланка ненавидела сына все эти годы из-за Людо и отравила его? А теперь пригласила меня, чтобы полюбоваться на мучения?

Но тут Бланка повернулась, и мои подозрения рассыпались в прах при виде ее измученного встревоженного лица.

– Вы должны сами это увидеть.

Наконец, мы остановились перед дверью в башенную комнату. За ней раздавались какие-то неясные звуки. Велев стражнику ждать снаружи, она толкнула створку и жестом пригласила меня первой проследовать внутрь.

Там было темно, и сперва я никого не увидела. А потом различила какую-то тень на постели, в гнезде из смятых разворошенных простыней и одеял. Время от времени она издавала отрывистые звуки, похожие на подвывания.

Прикрыв створку, Бланка прошла к кровати и присела на край.

– Огод... – Она протянула руку, но тень отшатнулась.

– Пожалуйста, помогите ему! – подняла она на меня глаза, в которых блеснули слезы.

Я медленно двинулась вперед. Тень замерла, будто человек разглядывал меня, дрожа крупной дрожью.

Бланка встала, и я заняла ее место.

– Ваше величество, – позвала я, вглядываясь в укутанную одеялом фигуру.

Человек перестал дрожать.

Я медленно потянулась к одеялу, но тут он сам резко его откинул, и внутри у меня оборвалось. Лицо, которое смотрело на меня, было мало похоже на человеческое. Покрытое испариной, с искаженными мукой чертами. Мышцы мелко конвульсивно подергивались. В довершение на лбу и щеках пролегли кровавые борозды.

Я все же нашла в себе силы, чтобы вытолкнуть:

– Я здесь, чтобы помочь вам...

Глаза метнулись ко мне в безумной надежде.

– Я схожу с ума, да?

– Нет, сир, не думаю.

Он тут же схватил мою руку и сжал так крепко, что я вскрикнула.

– Пожалуйста, пусть это прекратится, я больше не выдержу!

– Успокойтесь, сир, – я попыталась осторожно освободить пальцы, – ничего страшного не происходит. Похоже, я понимаю, как с этим справиться.

Тут он выпустил мою руку и дернулся. Тело словно несколько раз сломалось – такими сильными были судороги, пальцы скрючились.

– Снова начинается! – в отчаянии взвыл он.

– Успокойтесь, ваше величество. Сейчас вам главное –

дышать и ни о чем не волноваться. — Я снова нашла его руку и легонько сжала. — Слушайте меня, просто слушайте. Вам нужно зацепиться здесь, в этой комнате. Вы это вы, и если не хотите выпускать сейчас никого, — я уже догадалась, что с ним, — то силой своей воли можете запретить ему явиться.

Он стиснул мои пальцы, словно цепляясь за меня. Судороги действительно начали затухать. Король часто задышал и щупал второй рукой покрывало.

— По-помогает... кажется, помогает! — прерывистым шепотом пробормотал он. Дыхание начало успокаиваться, и я тоже с облегчением перевела дух. — Мне... лучше. — Я различила на его губах улыбку.

Мы с Бланкой переглянулись, тоже улыбнувшись друг другу, как если бы нас не разделяло столько в прошлом. Я снова повернулась к королю, но тут его губы дернулись, издав улыбку в судорогу.

Завопив, он схватился за лицо и протянул руки вниз, оставляя на щеках новые кровавые борозды.

— Успокойтесь, сир, успокойтесь!

Но он меня уже не слышал. Откатился на кровати, выгнулся, трясаясь... и упал обратно на кровать. Пару мгновений спустя на меня взглянул мальчик не старше Эли. У него были кудрявые волосы и большие испуганные глаза.

— Мама! — воскликнул он, заметив Бланку.

Та дернулась к нему.

— Подождите, — вскинула руку я, останавливая ее.

Она послушно остановилась, прижав ладонь ко рту.

– Кто вы? – прошептал он, глядя на меня.

– Не бойся, я друг.

– Помогите ему, объясните, что с ним... – Бланка кусала костяшки пальцев. – Я не знаю, что делать!

– Это второй, брат Омода, его нечего бояться.

– Это ясно, Дикки – хороший мальчик, он не создает проблем. Но что делать с третьим?

– С третьим? – изумленно обернулась я.

Тут мальчик дернулся.

– Он приближается, мама, мне так страшно... – прошептал он, и держащая меня детская рука вдруг выросла, сменившись взрослой: тыльную сторону моей ладони оцарапали когти.

Онемев, я смотрела в худое лицо с впалыми щеками. В глазах подрагивали, пульсируя, вертикальные зрачки.

– Ты боишься Орхо, – глухо произнесло существо свистящим шепотом. – Я чувствую это.

Я ощутила, как леденею. Еще какое-то время существо немигающе смотрело на меня, а потом подняло глаза к потолку и одним мощным скользящим прыжком оказалось там. Запрокинув голову, оно взглянуло на нас сверху – при этом казалось, его шея вот-вот сломается, – а потом, быстро перебирая руками и ногами, устремилось к окну. Миг, и оно уже снаружи.

Я кинулась к проему. Рядом точно так же застыла подбе-

жавшая Бланка. Но все, что мы могли видеть, это тень, скользившую вниз по стене. Быстрее, чем мы успели что-то предпринять, она растворилась в ночи.

* * *

Я вернулась в покои далеко за полночь, совершенно измученная. Как могла, я объяснила Бланке, что происходит с ее сыном, и как помочь этому легче протекать. Но умолчала о том, что тревожило меня больше всего. То, что в Омоде заговорила кровь второго, было объяснимо. То, что произошло это гораздо позже, чем обычно случалось у Морхольтов, — тоже, ведь нашу кровь разбавили кровью королевского рода. Однако появление третьего... такого не случалось никогда прежде. Быть может, это было связано со звериной сущностью Скальгердов, которая получила такое выражение, соединившись с кровью Морхольтов.

По коже побежали мурашки при воспоминании о вертикальных зрачках и глухом свистящем голосе.

Мы искали Орхо несколько часов, но так и не нашли. Бланка сказала, что он никогда так не исчезал. Она очень волновалась за Дикки, который мог очнуться в незнакомом месте и испугаться или даже не знать, как оттуда выбраться...

Я утешала ее, дивясь сама себе, оттого что успокаиваю женщину, которая, как я думала, должна считать меня вра-

гом. Да и в целом оттого, что кого-то успокаиваю. Потом пришел ее муж, и я передала ее ему. Когда я уходила, они стояли обнявшись, и что-то во мне царапало при воспоминании об этой сцене. Представить себя и Рогира, стоящими вот так, обнявшись и поддерживая друг друга... Нет, скорее уж я ждала от него новой просьбы выделить деньги из семейной казны.

* * *

Когда я вошла в покои, Алекто поднялась навстречу. Она была бледна и взволнована.

— Миледи, где вы были?

Последовав за Бланкой, я позабыла обо всем на свете. Но также я была уверена, что Каутин позаботится о ней и Эли. Сыновья тоже оказались здесь. Мне и Рогиру выделили отдельные просторные покои из двух помещений, одно из которых было спальней, а второе служило чем-то вроде комнаты для приемов и отдыха — небывалая роскошь.

— Королеве понадобилась моя помощь.

Глаза Алекто слегка расширились.

— Что ее величество от вас хотела? И где король?

— Вы опять задаете слишком много вопросов. Вам с Эли уже давно пора спать.

Я и сама понимала, что несправедлива: сперва бросить их одних на пиру в незнакомом замке, а потом упрекать.

– Говорят, с королем что-то неладное, – выступил вперед Каутин.

– Что за вздор! – оборвала его я. – Не поддерживай таких слухов. Просто его величество неважно себя чувствовал, а королева знает, что когда-то в юности я сталкивалась с подобной хворью. Сейчас ему уже лучше.

– Значит, завтра за завтраком он будет? – вмешалась Алекто.

– Это как его величество посчитает нужным. Я не в ответе за него. И вы меня утомляете. Сейчас слишком поздно. Эли, Каутин, вам пора на мужскую половину. Кажется, вам должны были выделить места.

– Да, – кивнул Каутин, – в общем зале. Идем, Эли, – взял он за руку младшего брата.

Тот зевнул и послушно двинулся рядом, неся под мышкой сонного вульписа.

– Постой. Хруст, наверное, захочет остаться тут.

Эли повернулся ко мне и повел плечом, слегка встряхнув зверька.

– Он ведь мальчик, значит, ему тоже надо на мужскую половину. К тому же они с ней теперь не очень-то ладят, – кивнул он на Алекто.

– Я не виновата: он чуть что начинает шипеть на меня!

– Только когда ты повышаешь голос.

– Я не повышаю! – звенящим голосом произнесла Алекто.

– Тише, – примиряюще подняла ладони я. – Пусть Хруст

спит на мужской половине. Эли, Каутин, доброй ночи.

Поклонившись, они вышли. Я же повернулась к Алекто. После всего случившегося смена платья на ночную камизу и расчесывание волос казались почти непосильной задачей.

Явно сдержав порыв спросить о чем-то, она принялась переодеваться. Я так же молча последовала ее примеру. Наконец, скрипнула кровать, на которой мы заняли каждая по своей половине, и я погасила светильник.

Глава 7

Мир был очень острый. Он настойчиво пробивался в глаза ярким утренним светом, даже сквозь закрытые веки причиняя боль. Орхо поморщился и потер их, пытаясь избавиться от ненавистной яркости. Но с каждым мгновением она лишь усиливалась. Он с сожалением провожал ночь.

Подтянув колени к груди, Орхо лежал, скорчившись на дне чего-то мягкого и пахнущего прелым и землей. Во рту стоял хороший вкус. Он поел что-то вкусное. Наконец что-то настоящее, а не эти пресные лепешки идохлое мясо, от которых хотелось промыть рот. Он облизнул палец, собирая отголоски трапезы, и зарылся лицом в локоть, прячась от назойливого утра.

* * *

Меня разбудили незнакомые звуки. Вместо привычных шагов Хольги, хлопочущей над углем в очаге, звона колокола и стука строителей за окном я услышала переборы музыкальных инструментов, чье-то харканье, плеск воды и разговоры.

Алекто сидела на краю кровати, уже полностью одетая.
– Скоро на мессу, – выпалила она, когда я открыла глаза. –

Я приготовила ваш наряд.

Я взглянула на одно из платьев, которое она достала из сундука. Ей явно не терпелось покинуть комнату, раз она взялась исполнять обязанности камеристки. Подтверждали мысль и взгляды, которые она то и дело кидала на окно. Рядом стоял заботливо заполненный для меня кувшин для умывания. Скользнув глазами по ее фигуре, я окончательно пробудилась и нахмурилась.

– Что это на вас, Алекто?

Она тронула свое платье и с вызовом произнесла:

– Блю!

– А должна быть дневная котта. Где она?

– Пожалуйста, миледи. Я не вижу ничего страшного в том, чтобы надеть что-то чуть более нарядное с утра, раз мы в королевском замке. Оно все равно черное.

– Зато я вижу.

– Но я видела леди в окно... Несколько были в лиловых блю, одна даже в цветном. Еще у одной...

– Мне нет никакого дела до тех леди. Зато есть до того, что моя дочь тут же забыла о приличиях, оказавшись вне дома. Платье – это для торжественных случаев. Вот вечером на пиру и наденете.

– Но миледи...

– Я все сказала.

– Оно все равно мерзкое!

Отшвырнув полотенце, она достала из сундука темную

шерстяную котту.

Я удовлетворенно кивнула.

– Ты можешь не верить мне, Алекто, но так действительно лучше. Порой в моменте мы принимаем неверные решения, и лишь со временем становится ясно, какое из них было на пользу.

– Я буду как уродка на фоне других леди!

– Нет, ты...

Но она уже выбежала в соседнюю комнату, откуда вскоре донеслись сдавленные рыдания. Я прикрыла глаза и вздохнула.

Потом выбралась из постели и принялась одеваться, раз служанка отчего-то припозднилась. Едва я успела поправить последний шнурок, как в дверь постучали.

– Простите, миледи, – поклонилась мне незнакомая фрейлина. – Его величество ждет вас в тронном зале.

Я стиснула пальцы. За плечом фрейлины маячило удивленное лицо Алекто, которая уже забыла о своем плаче.

– Сейчас буду, – коротко кивнула я, и дама, снова поклонившись, исчезла.

– Сэр Вебрандт проводит вас на мессу и передаст Эли и Каутину. Встретимся за завтраком, – произнесла я, и на этот раз Алекто не спорила.

Пока я шла на встречу с королем в сопровождении той же дамы, представившейся леди Рутвель, в голове пронеслось множество мыслей. Значит, Омод все же сумел преодолеть приступ и вернуться. И судя по тому, что он пригласил меня на встречу, с ним все более-менее в порядке. Однако этот Орхо... он явно силен. И если он и дальше будет подавлять короля, то все окажется не так просто.

Мы приблизились к дверям. Дама осталась снаружи, кивнув стражнику, а я собралась с духом и вошла в зал, где король в нервном нетерпении расхаживал перед троном.

– Сир, – присела в поклоне я.

Выпрямившись, посмотрела ему в лицо... и остолбенела. Вчера вечером он был исцарапан, растрепан, с искаженным лицом. Да я толком и не разглядела его в скудном свете. Сегодня же король оказался чисто умыт и причесан, только на лбу и щеках остались подсохшие ранки.

Всегда считала выражение «вылитый отец» полной чужью. Праматерь не повторяется. Но сейчас передо мной стоял вылитый Людо, каким он был в шестнадцать лет, за год до гибели. Только глаза чужие: светло-карие, глаза Бланки. Как ножом по сердцу.

Он тоже в упор рассматривал меня, не зная, с чего начать, и в замешательстве зачесал волосы назад пятерней. Стены

качнулись, в глазах потемнело. Я сделала несколько слабых шагов вперед, а потом ноги подломились, и я рухнула на колени, хватая ртом воздух и чувствуя жгучую нарастающую боль в груди. Король тут же бросился ко мне и наклонился, чтобы помочь встать.

– Что с вами, миледи?

Я схватила его за руки и принялась покрывать их судорожными поцелуями, рыдая и захлебываясь:

– Я знала, знала, что это когда-нибудь случится! Верила, что если буду долго и горячо молиться, Праматерь сжалится и вернет мне тебя. Я больше никогда тебя не покину, полюблю, как захочешь, только не оставляй меня снова одну! Я знала, что ты ко мне вернешься... – бессвязно бормотала я.

Не в силах остановиться, беспорядочно гладила его волосы, щеки, прижимала костяшки к губам. Боялась, что если отпущу хоть на миг, он растает в воздухе.

– Вам нужно встать.

Омод не без труда поднял меня, отчаянно цепляющуюся за него, усадил за неимением ничего другого на трон и сам присел передо мной, заглядывая в лицо.

– Что с вами? Почему вы плачете?

Туман начал медленно рассеиваться, возвращая в горькую реальность. Не случилось никакого чуда. Это не Людо. Как бы мне ни хотелось обратного.

Я прижала ладони к лицу, глубоко вздохнула и отняла их.

– Простите, сир... вы напомнили мне одного давнего зна-

когого. На миг я забыла, где нахожусь.

– Неужто мы настолько похожи? – недоверчиво протянул он.

– Теперь вижу, что не настолько. – Я промокнула глаза рукавом и выдавила жалкую улыбку. – На вашем месте он бы давно осыпал меня ругательствами и велел прекратить реветь.

– Тогда этот ваш знакомый не слишком-то хорошо воспитан, – заметил король, и я издала сдавленный смешок, представив, как сын отчитывает Людо за брань. Да брата бы удар хватил от бешенства!

– Наверное, вы правы.

– Похоже, он вам очень дорог, – помолчав, произнес Омод.

– Дороже всех сокровищ мира, – рассмеялась я сквозь слезы. – Да, он был мне дороже всего на свете.

– Был, – задумчиво повторил король, ухватив суть.

Боясь того, что он может сказать дальше, я поспешила переменить тему:

– Простите, сир, мою слабость. Но вы ведь вызвали меня не для того, чтобы успокаивать плачущую женщину?

– Я вызвал... пригласил вас, потому что хотел поблагодарить за вчерашнее, и... у меня еще к вам столько вопросов!

– Мы с вашей матерью опасались, что вы очнетесь где-то, нуждаясь в помощи, а мы не будем знать где.

– К счастью, все обошлось. Однако я вижу, что вы до сих

пор расстроены, и я желал бы что-то для вас сделать, отплатить за доброту, но не знаю как. — Омод снова взял меня за руки. — Скажите, что мне для вас сделать, леди Анна?

Искушение оказалось слишком велико.

— Закройте глаза, — шепнула я.

Он удивился, но, помедлив, смежил веки.

Вот теперь вылитый Людо — такой, каким он выглядел спящим. Я протянула руку и провела кончиками дрожащих пальцев ото лба к подбородку. Когда коснулась губ, Омод открыл свои чужие глаза и улыбнулся. И улыбка другая... Людо никогда так не улыбался — широко и открыто — он всегда скалился.

— Теперь вам лучше?

— Да, сир. Вы меня исцелили.

Он вдруг перехватил мою руку и коротко поцеловал внутреннюю сторону запястья. И в этот самый миг я поняла, что не смогу уехать. Никакая сила на свете не сдвинет меня из замка. Если Бланка прогонит, буду спать на снегу под воротами, но не уеду. Снова видеть Людо каждый день... Праматерь, какое счастье! Ведь Омод — это почти Людо. Все, что от него осталось...

* * *

Зал я покинула примерно четверть часа спустя, все еще не до конца придя в себя и условившись встретиться с коро-

лем в полдень для разъяснения его вопросов. Снаружи я с удивлением увидела леди Рутвель. Но на таком расстоянии от дверей, что невозможно было заподозрить подслушивания.

– Простите мою назойливость, леди Анна, но могли бы мы вместе отправиться на мессу?

Я склонила голову в знак согласия, не зная, зачем могла ей понадобиться, и не имея привычки поддерживать дамскую болтовню. За всю жизнь единственным подобием подруги у меня была Бланка.

– Вы, должно быть, впечатлены этим местом, – продолжила она, когда мы двинулись по коридору. – Королевский замок действительно примечателен, как и столица в целом. Правда, строительство далеко не завершено.

– У меня еще не было возможности толком его осмотреть.

– Значит, вы не видели розарий? Говорят, ее величество привезла цветы из прежнего замка. Собственными руками выкопала из знаменитого сада на Хидрос, прежде чем там все пришло в упадок.

Внутри кольнуло.

– Мы с семьей прибыли накануне, поэтому пока не успели взглянуть на нее.

– Простите, что спрашиваю, но где ваш муж?

– Он скоро прибудет. Получил ранение на охоте.

Леди Рутвель ненадолго умолкла. Верно, она была одной из тех дам, которых видела в окно Алектос: на ней оказалось

лиловое бархатное блио. Правда, простого края, с небольшим шлейфом.

– Как жаль, примите мое сочувствие.

– Благодарю, но оно ни к чему, скоро мы с мужем воссоединимся.

– Знаете, – она придержала дверь, помогая мне пройти, – я не сказала, но я из рода Вальбек...

Я даже не сразу поняла, почему мне знакомо имя ее рода¹⁰. Наконец, повернувшись к ней, взглянула уже внимательно.

– Значит, богатства вашей семьи тоже когда-то отошли короне?

– Да, но это дела давно минувших дней. Мой отец принес присягу новой власти, и ему были пожалованы земли, которые вскоре начали давать доход. Мы привыкли к сложившемуся положению, оказавшемуся ничем не хуже, а в каком-то отношении и лучше прежнего.

Я взглянула на талисман-покровитель у нее на шее. Он представлял собой горностаю. Значит, леди Рутвель Вальбек была из семьи тех, кто когда-то сговорился с моим отцом против короля и поплатился за это. Хотя их потери были все же не так велики, как наши, даже замок остался цел. Двадцать четыре года назад наша семья приняла основной удар на себя. Правда, потом следы Вальбеков затерялись, и когда

¹⁰ Род Вальбек, наряду с родами Альбертинер, Маровинг и Ингейм, когда-то поддержал отца Лоры, лорда Морхольта, выступив против королевского рода.

я вернулась для восстановления фамильного замка и принимала присягу прежних вассалов отца, их семейства среди таковых не было. И вот теперь выяснилось, что они все же вернулись, и их дела шли неплохо.

— Отец решил не возвращаться в прежний замок. Он слишком многое... напоминает, если вы понимаете, о чем я, — произнесла леди Рутвель.

— Я лишь понимаю, что дела отцов не имеют к нам отношения. Мы отвечаем за себя.

— Конечно. И, позвольте быть с вами откровенной, мне нравится моя жизнь при дворе: она спокойна и свободна от забот, которыми так увлечены мужчины, вроде дележа территории и междоусобиц. Меня вполне устраивает быть среди дам, служить королеве и не думать о том, что меня не касается.

Я посмотрела на леди Рутвель, которая была примерно одних лет со мной, быть может, чуть старше. У нее был слегка вздернутый аккуратный нос, синие глаза и собранные под сетку волосы, что говорило о том, что она, вероятно, не замужем. Высвободившиеся пряди обрамляли лицо воздушными русыми завитками. Движения были мягкими, а голос — негромким и приятным.

— Каждому свое, леди Рутвель.

— Надеюсь, вам здесь понравится, леди Анна. И так же надеюсь, что еще не раз буду иметь удовольствие с вами беседовать. Быть может, вы захотите как-нибудь и прогуляться.

— Быть может, леди Рутвель.

Поклонившись друг другу, мы одновременно вошли в часовню.

* * *

Там уже собралось немало народу. Она была домашней, замковой, и сюда, очевидно, допускалась лишь знать. Значит, простой люд посещал какой-то другой храм, вероятнее всего, в городе. Увидев Алекто и Эли с Каутином, я двинулась в их сторону.

Боковым зрением я замечала взгляды, но смотрела только перед собой. Приблизившись, я заняла место между детьми. Алекто стояла, сдержанно опустив глаза.

Я же думала о нашей беседе с леди Рутвель. Очевидно, она хотела осторожно провести обстановку, чтобы понять, как я настроена к ней ввиду общего прошлого наших родов. Но я была уже далека от тех разбирательств и не собиралась никого трогать до тех пор, пока не трогали меня и мою семью.

Погруженная в размышления, я не сразу поняла, что уже какое-то время слежу за высокой фигурой, мягко скользящей по часовне. Мужчина двигался плавно и умудрялся, идя в такой плотной толпе, никого не побеспокоить. Когда он пересекал стрелы лучей, льющихся из окна, на волосах вспыхнули золотые искры... Я неосознанно сделала шаг. В воздухе

повеяло дымом...

– Миледи, что с вами?

Алекто смотрела на меня. Только тогда я поняла, что стою, напряженно вытянув вдоль тела руки со сжатыми кулаками. Я тотчас повернулась в ту сторону, где мужчина только что был, уверенная, что его там больше нет. Но он был там. Вдруг помедлил и обернулся. Я почти увидела серые глаза... увидела бы, если б его сразу не закрыл плечом кто-то из придворных. А когда сдвинулся, мужчина уже исчез.

– Все в порядке. Просто здесь холодно. Похоже, вы замерзли, Алекто.

Она кивнула и стянула у горла края плаща. В углах зала были наметены горки снега, и крупинки вихрились, когда мимо кто-то проходил.

Сдержав порыв потереть ее предплечья, чтобы согреть – такой жест был бы слишком неуместным, – я протянула ей кусочек меха, в котором мы грели руки.

– Вот, держите.

– Не нужно, Каутин уже отдал мне свой.

Тут появился клирик, и месса началась.

Слушая монотонный голос священнослужителя, я еще какое-то время скользила взглядом по рядам, выискивая высокую широкоплечую фигуру, но мужчины больше не было видно. Не могло же мне показаться?

По окончании службы мы двинулись к выходу. Алекто оживленно вертела головой: жадно разглядывала наряды

дам, смущенно отворачивалась при виде молодых людей, некоторые из которых ей кланялись, и время от времени отдергивала подол от проскакивавших мимо зверей.

– Я слышала, днем дамы собираются в розарий. Вы пойдете? – повернулась она ко мне.

– Едва ли. Я все еще утомлена после дороги, так что, вероятнее всего, буду отдыхать в наших покоях. К тому же меня вызвал к себе король.

– А я...

– Сможешь пойти, если тебя будут сопровождать Каутин или сэр Вебрандт.

– Но они собирались побывать на плацу.

– Значит, придется отложить посещение розария до того момента, когда кто-то из них окажется свободен.

– Но другого случая в наше посещение может не представиться! Говорят, цветник королевы уникален: розы в нем растут даже зимой!

– Алекто, я все сказала.

– Зачем вообще было брать меня сюда?

– Алекто...

Край ее радужки замерцал, наливаясь белизной.

– Оставили бы дома с Хольгой чесать шерсть. Там бы от меня было больше пользы!

– Прекратите, Алекто!

– Что прекратить? Дышать? Двигаться?

Над нами раздался шум. Мы одновременно подняли го-

ловы. Под потолком металась какая-то птица, натываясь на стены. Я узнала один из простых зимних видов. Но сейчас она издавала несвойственные ей звуки, всполошенно хлопая крыльями.

Тут словно что-то теплое прошло сквозь воздух, и птица смолкла, успокоившись. Люди расступились, и я увидела приближающуюся к нам Бланку.

– Миледи, – поприветствовала она нас с Алекто.

Мы одновременно присели в поклонах.

Каутин посмотрел на королеву, и в лице появилось такое выражение, будто он наблюдал рассвет нового дня. Казалось, сын вот-вот потрет глаза, чтобы убедиться, что это не сон. Бланка мягко ему улыбнулась, и он поспешно опустил на одно колено, вспыхнув до самых ушей.

– Леди Анна, – повернулась она ко мне, – я бы хотела побеседовать с вами, если вы не очень торопитесь на завтрак.

– Я не голодна, ваше величество.

– Тогда, если вы не возражаете, идемте со мной.

– Каутин, пригляди, пожалуйста, за Эли и Алекто.

– Да, миледи. – Он выпрямился и снова взглянул на Бланку, и снова быстро отвел глаза.

– Это ваши дети? – спросила она.

– Да, мой старший сын – Каутин, а это Элиат. И моя дочь Алекто.

Бланка вдруг внимательно на нее взглянула.

– Сколько вам зим, миледи? – спросила она.

– Будет шестнадцать в следующем месяце, ваше величество, – пробормотала Алектто.

Бланка быстро на меня посмотрела.

– Как моему сыну.

Я ответила непроницаемым взглядом.

– А где же ваш отец? – продолжила королева.

– Он был ранен на охоте, – с гордостью ответила Алектто. – Видели бы вы вепря, которого он завалил!

Вокруг раздались смешки, и Алектто растерянно огляделась по сторонам.

Бланка улыбнулась уголками губ.

– Мой супруг скоро к нам присоединится, – произнесла я, и она чуть кивнула.

– Каутин, сопроводи Алектто и Эли в общий зал на трапезу и не отходи от них, пока я не вернусь, – бросила я сыну.

– Да, миледи.

Запахнув плотнее плащ, я двинулась вслед за Бланкой.

* * *

Какое-то время мы с королевой просто шли рядом.

– Алектто ведь... – Не договорив, она умолкла.

– Наша с супругом дочь.

Бланка посмотрела на меня, но продолжать тему не стала.

– Я хотела поблагодарить вас за Омода.

Я повела плечом.

– Вы ведь знаете, почему я помогла. Он мне... он король.

– И тем не менее спасибо. Знаете, говоря откровенно, я не была уверена, что вы захотите помочь из-за прошлого наших предков. Да и нашу с вами последнюю встречу семнадцать лет назад нельзя назвать сердечной.

Значит, пока я боялась того, как Бланка будет относиться к сыну Людо, она опасалась того же с моей стороны...

– Если бы не... – она помедлила, – особенность Омода, нам было бы лучше не встречаться, вы согласны?

– Пожалуй.

– Сперва на свет появился Огод, а спустя пять лет – Дикки, – продолжила она.

Значит, младшему сыну Бланки одиннадцать, а не те восемь-девять, на которые он выглядит.

– Только он почему-то смотрится младше.

– Это потому, что в основном здесь находится Огод, – пояснила я. – Если он будет выпускать брата чаще, то Дикки постепенно подрастет. Но чтобы он смотрелся на свой возраст, они с Огодом должны появляться поровну.

– Боюсь, это невозможно, – грустно заметила Бланка. – Про Дикки...

– Никто не знает.

– Знаем лишь мы с Ирджи. Остальные, если и видели его, считают кем-то из детей придворных. А потом появился Орхо.

– Хотите сказать, он самый младший? – удивленно вски-

нула брови я. — Он выглядит даже старше Омода.

— Я не знаю, сколько ему, — с запинкой ответила Бланка. — Омода либо тоже не знает, когда он появился, либо не говорит мне. Но, подозреваю, ему примерно как Омоду.

Значит, у Бланки не самые доверительные отношения с сыном. А может, он, напротив, не говорит ей, потому что бережет от правды?

— Но до недавнего времени все еще было довольно спокойно. Ухудшение началось около месяца назад...

— Как раз когда вы отправили мне приглашение.

Или именно поэтому и отправили...

— Да. Казалось, Омод сошел с ума. Он не говорил, но я ведь видела. — Она умолкла, лицо подергивалось. — Я ведь не знаю, как все происходит не в нашем роду.

Не в нашем роду... Мне вдруг вспомнилась сегодняшняя птица в часовне. Следом пришло и воспоминание о лежащих на снегу в лужах крови растерзанных волками разбойниках, и шипении вульписа. Около месяца, значит.

— Если вы знаете, как помочь Омоду, как сделать так, чтобы остались только он и Дикки, то умоляю, сделайте это. Научите его... Только так, чтобы он не узнал правду, и что это я вас попросила.

Мы уже приблизились к небольшому сооружению вроде часовни, на вид довольно старому.

— Я сделаю все, что смогу, — медленно кивнула я.

Все, что будет правильно.

– Спасибо, – еще раз выдохнула Бланка, положив руку на медное кольцо двери, и потянула створку. – А я, со своей стороны, сделаю, что должна.

В лицо дохнуло холодом.

– Где мы?

– В усыпальнице Скальгердов. Я подумала, вы захотите увидеться с братом.

Я застыла. И медленно шагнула внутрь.

* * *

Из полутьмы дугами выступал сводчатый потолок. Ворвавшийся вместе с нами сквозняк заставил пламя факелов дергаться. Плиты пола кое-где пошли трещинами.

Бланка сняла ближайший факел и подошла к одному из стоящих у стены каменных ящиков – из паросского мрамора.

– Он здесь, – негромко позвала она.

Так же медленно, как переступила порог, я приблизилась. Сердце перестало стучать. Задержав дыхание, я опустила глаза. Какое-то время стояла, не произнося ни звука. Потом отомкнула уста.

– Я почти могу видеть его лицо, – прошептала я.

Под тканью, казалось, действительно проступали очертания Людо...

– Я... – в горле что-то застряло, – думала, вы не подвергли его должному обряду.

– Что бы ни было в прошлом, он отец Омода, – тихо произнесла Бланка.

Я вскинула на нее глаза.

– Спасибо.

– Я оставляю вас наедине, – кивнула она, закрепляя рядом факел.

Когда ее шаги стихли, я медленно двинулась вдоль саркофага, ведя пальцами по краю.

– Жаль, что вы с Артуром не можете быть сейчас здесь.

Сквозь полупрозрачную ткань виднелась богатая одежда – вряд ли такая понравилась бы Людо при жизни, он ведь предпочитал простую. Драгоценные камни на ней приглушенно мерцали.

– Знаешь, Омод... вы должны были с ним познакомиться. И Алекто – кажется, она с каждым днем становится все больше похожей на тебя, характером – это уж точно.

Я продолжала говорить и говорить. Казалось, время вовсе перестало существовать. Наконец, я коснулась на прощание его руки под тканью.

– Прощай, Людо.

Глава 8

Когда я вышла, Бланка оказалась еще тут. Она молча посмотрела на меня, и мы двинулись обратно в замок.

Едва ступили на крыльцо, как к ней поспешно приблизился один из придворных.

– Ваше величество, супруг искал вас.

Она повернулась ко мне.

– До встречи, леди Анна, я должна идти к мужу.

Я слегка ей поклонилась, она ответила тем же и быстрым спокойным шагом направилась на встречу с ним.

Ко мне же подошел другой придворный.

– А вас искал его величество. Прошу, следуйте за мной.

Я думала, меня снова отведут в тронный зал, но на сей раз меня сопроводили в проходную галерею.

Омод ждал в одной из арок, забравшись на нее с ногами. Я вздрогнула, когда он повернулся – так странно было видеть того, с кем я только что попрощалась в усыпальнице. Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

– Леди Анна! – Он по-мальчишески спрыгнул на пол и встал передо мной.

– Ваше величество, – поклонилась я.

– Можете идти, – бросил он придворному, и тот, пятясь, удалился.

– Не знаю, с чего начать, – произнес король, подкидывая

яблоко, когда мы двинулись вперед. Я проследила его полет.

– Право, тоже не знаю.

– Тогда просто расскажите, откуда вам известно про мое состояние. Как вы поняли, что со мной?

– Видите ли, оно чем-то схоже с даром нашей семьи.

Омод вскинул брови.

– Не думаю. Женщины рода Морхолт, насколько я знаю, умеют неким образом преображать свой облик, но я всегда считал это скорее небылицей.

Он глянул на меня и умолк, явно не решаясь расспрашивать.

– Не все из того, что вы слышали, небылица; и не все из того, что вы слышали, правда, – уклонилась я, раздумывая, как лучше ответить на его законные вопросы, при этом соблюдая просьбу Бланки.

– В любом случае все это касается женщин, а я мужчина. Значит, у меня это все же какая-то болезнь?

– Нет, – резко ответила я, неприятно уязвленная тем, что священный дар сочли каким-то нежеланным отклонением. – Скорее, нечто пробудившееся в вашей крови.

– Но отчего?

– Пути Праматери неисповедимы.

– У моего отца и его предков не было ничего подобного, насколько мне известно, – задумчиво произнес Омод.

Я быстро на него взглянула. Значит, за столько лет Омод ничего не заподозрил. Между черноволосым кареглазым ко-

ролем и голубоглазым уроженцем зеленых островов было столько же общего, сколько у меня с золотоволосыми кроткими девами с миниатюр живописцев. Признаться, даже смотреть на Омода было непросто. Знакомое лицо, принадлежащее почти незнакомцу. Но, казалось, с каждым мигом его движения все больше походили на движения Людо.

– Быть может, вы не все знаете. Быть может, и он не все знает.

– Хотел бы я, чтобы этого не было! Хотел бы выжечь эту... заразу из своей крови и стать нормальным! – с ожесточением воскликнул король.

– Не говорите так. Это не болезнь и не зараза. Это благо-словение.

Омод остановился и внимательно на меня посмотрел.

– Только вы так можете говорить, леди Анна.

– Лорелея.

– Что?

– Меня зовут Лорелея – мое имя для близких. Хотя вообще-то меня давно так никто не называл. Можете называть меня так.

– Что ж, леди Лорелея, для меня честь называть вас этим именем, – чуть поклонился он и возобновил путь. – Итак, могли бы вы сказать, с чего мне начать, чтобы научиться контролировать эти... приступы?

– Для начала поймите, что в них нет ничего страшного и вы после тренировки сможете брать контроль над собой. Вы

помните, что происходит потом?

Тут мы вышли во двор и на некоторое время умолкли при виде шедших навстречу работников, которые тащили ветви хвой и падуба. На нас пахнуло морозом и смолой. При виде Омода они упали на колени, коснувшись лбами снега. Тот рассеянно кивнул, явно привычный к такому обращению, и они, поднявшись, потащили свою ношу дальше.

– Я весьма смутно помню, что происходит после того, как я... теряю себя.

Последнее он произнес немного искаженным чужим голосом. Лоб пересекли хмурые складки: королю явно не нравилось, что нечто может брать над ним верх.

– Как я уже сказала, вы будете способны силой своей воли запрещать... нежеланному являться, при этом останетесь в сознании.

– Вы могли бы меня этому научить?

– Да, я могла бы давать вам уроки.

– Это хорошо. Вряд ли подданным понравился бы безумный король на троне, – с легкой грустью произнес он и тут же добавил: – Вам у нас нравится, леди Лорелея?

Меня слегка сбilo с толку то, как быстро он перескочил с темы на тему. Но рассуждения короля говорили о том, что он вовсе не глуп.

– Я еще не успела понять, ваше величество.

– Но вы едва ли посещали такие празднества, как наше.

– Верю, это будет нечто грандиозное, – обронила я, вспо-

нив помолвку Бланки.

– Празднование Зимнего солнцеворота идет перед днем моего рождения, – согласно кивнул он, и запотевший от холода обруч короны приглушенно вспыхнул. – Мать с отцом что-то готовят, но мне об этом не положено знать.

– Очевидно, вы даже ни о чем и не подозреваете, сир.

Он весело на меня взглянул.

– А вы не такая, как я вас себе представлял.

– И какой же вы меня себе представляли? – удивилась я тому, что он тоже думал обо мне до встречи.

– Ну... о роде Морхолт ходят...

– Слухи. Много слухов, – подсказала я.

– Можно и так сказать. Я думал, вы старая безобразная карга и прячете пару-тройку жаб за пазухой.

– Разве что мех для обогрева рук, и я предпочитаю крепить его к поясу.

Улыбка Омода стала еще шире, отчего он почти перестал быть похожим на Людо, и моя улыбка бессознательно погасла.

– Что с вами? – тут же заметил перемену он.

– Все в порядке. Просто я вспомнила, что оставила дочь одну, лишь в компании сыновей.

– У вас есть дочь?

– Да, – кратко ответила я.

Мы уже поднялись на крепостную стену, с которой открывался вид на столицу. В глаза бросилось обилие построек и

улочек, по которым то и дело сновали люди размером с муравьев. Их там было столько, что оставалось лишь удивляться, как они все помещаются.

Я перевела взгляд дальше и увидела дерево на возвышенности. Его протянувшиеся до земли заснеженные ветви тяжело качались под порывами ветра. Можно было почти различить музыку этой обледеневшей брони, несмотря на то, что оно было так далеко.

– Заметили старый вяз? – перехватил мой взгляд Омод.

– Да... у нас дома рос похожий, неподалеку от замка.

– Это необычное дерево.

– В самом деле? И чем же оно необычно?

– Расскажу как-нибудь при следующей встрече. А сейчас вам пора к дочери. – И хотя слова сопровождал легкий поклон, в голосе звучали повелительные интонации, говорившие о том, что король сызмальства привык отдавать приказы.

Я поймала себя на том, что не хочу уходить. Черные волосы Омода трепал ветер, карие глаза глядели вокруг очень живо, спокойно подмечая детали.

– Да, ваше величество.

Мы развернулись и принялись спускаться.

* * *

Когда Омод вошел в кухню, бывшая там девушка подняла

голову. Руки, быстро отбиравшие подходящие ветви мирта с иссиня-черными ягодами, замерли. Миг, и она метнулась к нему, крепко обхватив руками и прижавшись щекой к груди.

– Я слышала, ты болен, – прошептала Ингрид, зажмурившись.

– Все уже прошло, – нежно ответил он, глядя ее по волосам.

Девушка подняла голову. У нее было нежное, чуть смуглое лицо и пушистые волосы, выбившиеся из-под каля.

– Твое лицо... – Пальцы легко пробежались по отметинам на его лбу и щеках.

– Со мной все в порядке, – уклонился Омод.

– Тебя не было на вчерашнем пиру. Пошел слух.

– Какой слух?

– Что король слабеет, – опустила глаза она.

– Тебе не нужно волноваться о сплетнях. Это для украшения главного зала? – кивнул он на ветви.

– Это для дам, чтоб варить смесь для свечей.

На этой фразе Ингрид смутилась, и он заподозрил, что Ингрид подумала об огромной разнице между нею и теми леди. Сделав вид, что ничего не заметил, он прошел к столу и, взяв пару ягод, закинул в рот.

Упругие шарики лопнули на языке, разливая сок с винным привкусом. Их семена напоминали заморскую пряность корицу, которую привозили им фалернские купцы.

Ингрид тоже приблизилась, и он протянул ягоду и ей. Она

робко обхватила ее губами. Омод тут же прижался к ним в поцелуе, смешивая его вкус со вкусом ягод.

Когда они оторвались друг от друга, Ингрид затеребила веточку мирта.

– На празднование собралось много леди...

– Да, в замке прежде столько не бывало.

– И многие из них красивы...

– Возможно. Я не присматривался.

– Наверняка среди них есть очень богатые, из древних родов.

– Вообще-то, действительно, есть среди них одна.

Лицо Ингрид огорченно вытянулось.

– И она юна и прекрасна?

– Она старше матери и обладает довольно... необычной внешностью.

Ингрид тихонько перевела дух. Лицо посветлело.

– А почему ты спрашиваешь?

– Потому, – она прикусила губу, – потому что зачем тебе ходить ко мне, когда любая из них почтет за счастье внимание короля? И... у них такие мягкие руки, и нежные голоса, и красивые платья.

– Хочешь, я и тебе платье подарю?

– Куда я его надену? – рассмеялась она, но щеки порозовели от удовольствия. Казалось, терзавшее ее беспокойство слегка улеглось. – Чтоб зажигать жаровни? Или взбивать перины?

– Идея с взбиванием перин мне нравится, – улыбнулся Омоd и потянул ее на лавку.

* * *

Алекто нашлась во внутреннем дворе. Они с Каутином лепили что-то из снега, собирая его с бортика фонтана, на котором сидели. Вернее, Каутин лепил, а она вяло мяла его покрасневшими пальцами. Эли возился рядом с Хрустом, не обращая на них внимания.

– Что вы делаете? – кивнула я на снег в руках Алекто.

Она расставила пальцы, и белые слипшиеся комочки просыпались между ними.

– Держу снег, – пожала плечами она.

– Вы все еще обижаетесь из-за того, что не смогли пойти в розарий?

Алекто снова пожала плечами.

– Какое мне дело до общего веселья и цветов, прекраснее которых мне никогда не увидеть в жизни? Ведь я люблю носить черное, не развлекаться и проводить время в компании матери и скучных братьев.

– Эй, – возмутился Эли, – кого это ты назвала скучным?

Алекто ответила кислым взглядом.

– А ты что лепишь, Каутин? – повернулась я к старшему сыну.

Он покраснел и показал мне розу. Цветок оказался на

удивление искусно выполнен.

– Это он для королевы, – фыркнула Алекто.

Каутин покраснел еще сильнее и опустил глаза. Но ответил спокойно.

– Ее величество – удивительная женщина.

– Это ты понял по ее платью? Или красивому лицу? – язвительно спросила Алекто. – Ты не обменялся с ней ни словом – как ты можешь судить о ее уме или других качествах!

– Это и не нужно. Все видно сразу.

– Значит, ты, как и большинство мужчин, судишь лишь по внешности? А до стремлений женщины и ее интересов тебе и дела нет?

– Если под стремлениями и интересами ты имеешь в виду острый язык и колючий нрав, то это меня действительно не интересует.

Алектó рассерженно уставилась на него.

– Прекратите, – оборвала я. – Алекто, я уверена, будет еще немало возможностей посетить розарий. К тому же на пиру организуют танцы, и вы еще сможете развлечься. Естественно, при этом помня о приличиях и благоразумии.

Ее глаза вспыхнули, она даже вскочила.

– Значит, мне можно будет танцевать?!

– Конечно. Но только спокойные традиционные танцы.

– Тогда мне нужно попрактиковаться. Каутин, идем со мной.

– Может, тебе составит компанию Эли?

– Ты смеешься?! Он умеет только скакать. К тому же едва ли мне нужно готовиться к тому, что меня пригласит кавалер вдвое ниже меня ростом.

Каутин нехотя поднялся и бережно положил розу на бортик.

– Она надеется, что ее пригласит король! – подал голос Эли.

– Отчего нет? – вздернула подбородок Алекто. – Я из древнего рода, и леди.

– Ты ведь даже его не видела, – ехидно заметил Эли. – Значит, тебе нет никакого дела до его ума и других качеств? Только до наряда и красивого лица.

Зашипев, Алекто сгребла снег и швырнула в него. Эли уклонился, и снег обрушился на вульписа, незаслуженно погребя его под маленьким сугробом. Хруст тут же высунул голову, глядя с возмущением. На носу осталось немного снега.

– Не смей так говорить о короле, Эли, – осекла я. – Мы в королевском замке, здесь это тем более неприемлемо. Такие речи могут счесть изменой.

Алектю и Эли растерянно посмотрели на меня.

– Ладно, пошли тренировать танцы, – потянул Алекто Каутин, пытаясь сгладить ситуацию. – Но обещай, что не будешь долго меня терзать.

– Обещаю, – пробормотала она и, схватив его за руку, увлекла в галерею, где никого сейчас не было, зато было достаточно места для этой цели.

Глава 9

Когда мы с Алекто позже вошли в женские комнаты, бывшие там леди отвлеклись, чтобы склонить головы, после чего вернулись к своему занятию.

Оно состояло в том, чтобы обирать ягоды с ветвей мирта и вязать венки из падуба. Ими завтра украсят главный зал на Солнцеворот. Я заняла нам места, а Алекто несмело приблизилась к вороху ветвей. Отобрав часть, она вернулась ко мне.

– Леди Анна, значит, вы решили присоединиться к нам?

Я подняла глаза на подсевшую к нам леди Рутвель. В ее руках был уже почти готовый венок, который она украшала золочеными орехами и лентами.

– Раз это традиция. Мы дома такого не делаем.

– У вас празднуют Зимний солнцеворот как-то по-другому?

– Мой муж обычно отправляется на охоту и привозит что-то к столу. После мы обмениваемся дарами, возносим молитву Праматери и отправляемся спать.

– Все довольно обыденно, – подала голос Алекто.

Леди Рутвель посмотрела на нее.

– Это ваша дочь?

– Да.

Взгляд леди Рутвель стал задумчивым. В нем мелькнуло что-то непонятное.

– Какой необычный цвет волос...

Алекто машинально коснулась своих прядей и неуверенно посмотрела на меня.

– В нем нет ничего необычного, – спокойно заметила я. – Один из предков моего мужа отличался таким же огненным цветом.

– Простите, не хотела вас оскорбить. Просто непривычно видеть такие волосы у кого-то, кроме членов королевской семьи.

– Говорить о цвете волос – не оскорбление. Тем более у членов королевской семьи он несколько иной. У вас красиво получается, – кивнула я на ее венок.

Он был, как и сама леди Рутвель, очень аккуратен. Судя по скорости движений ее пальцев, она была привычна к подобного рода работам по наведению уюта. Наверняка, и вышивка леди Рутвель так же точна и прекрасна.

– Благодарю. Наверное, вы знаете, что дар женщин нашего рода состоит в усилении всего, что касается домашнего очага.

– Ваш муж счастливый человек.

– У меня нет мужа, – быстро произнесла она, чуть ниже склонив голову с тщательно расчесанными волосами. Блик от жаровни подсветил полоску кожи пробора.

– Мне не следовало затрагивать эту личную тему.

– Отчего же, она совсем не личная, просто так получилось, – столь же быстро произнесла она и, поглядев на венок

Алекто, легко провела пальцами по ветвям. – Это лучше закрепить здесь, а ленту передвинуть.

Алекто удивленно на нее посмотрела.

– Благодарю, миледи.

Еще пара советов, и венок Алекто действительно стал выглядеть лучше. Кто-то из дам подошел и кинул на жаровню хвойную ветвь, отчего помещение заполнил аромат приближающегося праздника.

Позже в комнату вошла девушка с котелком в руках. У нее было миловидное чуть смуглое лицо и выбивающиеся из-под каля пушистые волосы. Она приблизилась к очагу и повесила котелок на крюк. К нему тотчас поспешило несколько дам, чтобы ссыпать внутрь ягоды.

Отвернувшись, служанка направилась к двери. Когда она проходила мимо, леди Рутвель подалась вперед.

– Вот дитя, – протянула она ей ленту, – возьми. Этот отенок подойдет к твоим глазам.

Девушка удивленно распахнула свои синие глаза и взяла ленту.

– Спасибо, миледи.

Мы с Алекто смотрели не менее удивленно. Непривычно, что леди обратила внимание на прислугу. Да и к чему лента той, которая должна прятать волосы под калем?

Смутившись, девушка быстро удалилась.

Позже она еще вернулась с воском и формочками для отлива. Наши венки были уже готовы, и мы с Алекто и леди

Рутвель присоединились к дамам, которые сварили в котелке ягоды мирта и теперь готовились смешивать их с воском, чтобы придать аромат, прежде чем разлить по формочкам.

– Предвкушаю праздничные дни, – улынулась леди Рутвель.

Я вспомнила искаженное лицо Омода во время превращения.

– И я, миледи.

* * *

Я отправилась в покои, а Алекто задержалась в общей комнате. Как ни странно, у них с леди Рутвель нашлись общие темы для разговора, и фрейлина пообещала чуть позже привести ее к нам.

Сняв одежду, я осталась в одной только камизе. Написала письмо Рогиру, решив, что это настроит на сонный лад. Но разум был слишком взбудоражен всем тем, что произошло за сегодняшний день. Какое-то время я размышляла о следующей встрече с Омодом – как лучше научить его брать контроль над своей природой, – и тут в соседней комнате раздался шорох.

– Алекто, это ты?

Мне никто не ответил. Накинув сверху шаль, я приблизилась к приоткрытой двери. Полоска от нее мерцала: служанка накидала в очаг поверх дров побольше золы, чтобы они

прогорали медленнее, и тепла хватило до рассвета; и теперь они то вспыхивали ярче, то чуть притухали.

Взявшись за торчащий из скважины ключ, я уже хотела потянуть створку на себя, когда явственно ощутила запах — дыма. Восковницы и дыма. Голова закружилась, и я ухватилась за косяк, чтобы не упасть. К горлу подкатила тошнота. Не может быть... это лишь воспоминание. Да.

Вдохнув поглубже, я резко захлопнула дверь.

* * *

Леди Рутвель довела Алекто до галереи, за поворотом в конце которой были их с матерью покои. Внутри Алекто трепетало новое чувство. Она ощущала себя... взрослой. Частью женского мира, проводником в который служила шедшая рядом фрейлина. Они с леди Рутвель говорили на разные темы.

У той были приятные манеры, и находиться рядом с ней было тоже приятно. Правда, интересы фрейлины в основном ограничивались ее обязанностями в замке и бытовыми хлопотами. Алекто же мечтала о большем. Но она с интересом слушала старшую подругу и наблюдала за ней.

— Вот мы и пришли. Ваши комнаты за поворотом, леди Алекто, — поклонилась та.

Алектa в очередной раз вздрогнула от удовольствия, услышав это обращение. Тем более из уст фрейлины, при-

служивающей самой королеве. А может, однажды и она станет одной из них? Правда, мать едва ли этого захочет. Кажется, она с предубеждением относится к этому.

– Благодарю, леди Рутвель, – поклонилась в ответ Алекто. Этот поклон – как взрослая взрослой – еще больше поднял ей настроение. – И доброй ночи.

Леди Рутвель удалилась. Алекто же направилась в покои, улыбаясь своим мыслям.

До поворота оставалось всего с полдюжины шагов, когда впереди, в тени одной из арок, шевельнулась какая-то тень.

Внутри резко похолодело. Леди Рутвель уже ушла, и теперь Алекто находилась в этой галерее одна. На миг мелькнула мысль, что это тот самый человек, который спас ее из колодца. Мысли порой нет-нет да и возвращались к нему. Но когда неизвестный сделал шаг, она поняла, что ошиблась: фигура была худой и держалась как-то странно: немного... согбенно, так что руки низко свисали впереди, голова тоже была слегка наклонена. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо.

– Пожалуйста, выйдите на свет и назовитесь, – прерывающимся голосом произнесла она.

По телу побежал озноб, хотя ничего страшного, кажется, не происходило. Незнакомец не ответил и не пошевелился. Просто стоял и, судя по всему, смотрел на нее – доносилось лишь чуть сиплое дыхание.

– Что ж, если вы так дурно воспитаны...

Взявшись за подол, Алекто двинулась вперед.

Но когда почти поравнялась с ним, незнакомец вдруг резко подался вперед, оказавшись почти вплотную.

Испуганно вскрикнув, Алекто отшатнулась, но он крепко ухватил ее за руку.

– Мой... мой брат, – пролепетала она пересохшим горлом, – вы не должны дотрагиваться до меня... он вызовет вас на поединок!

Так страшно ей не было еще никогда в жизни. Пальцы незнакомца сильнее сжали запястье. Он подтянул ее ближе, так что из-под капюшона блеснули глаза.

Внезапно позади раздались шаги – быть может, одного из гостей или разливающего масло по светильникам слуги, – и Алекто обернулась. Но никто так и не вошел в коридор, а шаги быстро стихли. Кто бы это ни был, он прошел мимо. Но и ее руку отпустили. Снова повернувшись, она успела увидеть лишь мелькнувшую тень: незнакомец выпрыгнул в одну из арок.

Какое-то время ее так трясло, что не получалось пошевелиться. Наконец, немного придя в себя, она почувствовала что-то в руке. Что-то, что только что вложили туда пальцы незнакомца. Алекто хотела раскрыть ладонь, но тут снова раздались шаги.

– Миледи?

Она подняла глаза, и дыхание перехватило.

– Сир, – поспешно присела она в поклоне.

К ней приближался тот, кого Алекто никогда не видела, но о ком столько думала. На это ясно указывала корона на голове.

– Почему вы стоите тут?

– Я... – она почти сказала ему о только что виденном человеке, но что-то остановило, – я шла в покои, к матери. Меня проводила леди Рутвель, – зачем-то добавила она, и это добавление показалось очень глупым. Какое ему до этого дело?

– Матери? Как имя вашего рода?

– Морхольт-Уилфред, ваше величество.

– Значит, ваша мать – леди Лорелея.

– Ее зовут леди Анна.

– Да, это я и имел в виду. Где ваши покои?

– Вот тут, прямо за поворотом.

– Идемте, я вас провожу. Леди не подобает одной ходить по замку.

Пристыженная, Алекто двинулась рядом. Хотелось сказать что-то остроумное, легкое и очень женственное, но на ум, как назло, ничего не шло. Она чувствовала себя неуклюжей и бесполезной. К тому же она оказалась почти одного роста с королем – лишь на полголовы ниже.

А вот он оказался именно таким, каким она его себе и представляла, даже лучше: очень красивым, держащимся с достоинством – иными словами воплощением мечты любой девушки. Если бы она была сейчас чуть менее неловкой и

могла поддержать беседу...

Дойдя до дверей, он церемонно поклонился ей.

– Доброй ночи, миледи. И в следующий раз не забудьте о компаньонке.

Не дожидаясь ответа, король двинулся прочь. Алекто же до последнего смотрела ему вслед, мучительно переживая разочарование от самой себя. Потом, опомнившись, разжала пальцы – сбоку осталась царапина от ногтей незнакомца.

На ладони лежала глиняная фигурка – похожие, с изображением своих Покровителей, ставят в ниши рядом с образами Праматери. Только эта была вылеплена неумело, будто детской рукой, и представляла непонятное существо с четырьмя головами. Снова сжав фигурку, Алекто посмотрела туда, где скрылся король, и переступила порог.

Глава 10

Я проснулась с головной болью. Когда Алекто накануне вернулась, я сделала вид, что сплю. Она быстро и тихо переоделась, а наутро ее лицо было непривычно бледным, а сама она – молчаливой, поэтому я отметила для себя, что больше не позволю ей задерживаться по вечерам. Отныне будем возвращаться вместе.

В замке полным ходом шла подготовка к вечернему празднованию Солнцеворота. Дамы доделывали венки и прочие украшения, а в обед нас собрали в комнатах королевы для репетиции будущего миракля¹¹. Он должен был состояться через двенадцать дней и стать подарком Омоду на день рождения.

Всем назначили роли. Так, леди Рутвель стала Изяществом, другим дамам и фрейлинам достались не менее звучные маски вроде Любезности, Щедрости, Откровенности, Милого вида и прочих подобных. Алекто получила Простоту, из-за чего она расстроилась, я же – Нежный взор. Похоже, раздававшая роли старшая фрейлина и сама поняла, что ошиблась. Изобразить нежный взор мне было так же легко, как кухарке – приготовить заварной крем из золы.

Бланке досталась Краса, которую она любезно отдала

¹¹ Пьеса о чудесах, совершенных Праматерью.

фрейлине, на которую не хватило роли. Противостоять нам должны были Гордыня, Низость, Злоба, Предательство, Стыд, Отчаянье и Непостоянство. Но их надлежало изображать не людям, а маскам, которые дамы изготовили из бу-мажно-меловой массы и клея.

Эли и других детей сделали помощниками Праматери, которым надлежало носить парики из завитых мочалок.

– Вы когда-нибудь участвовали в чем-то подобном? – поинтересовалась леди Рутвель, придвинувшись и понизив голос.

– Нет и, надеюсь, больше не буду.

Она рассмеялась.

– Леди Изящество, могу я попросить вас выйти вперед и произнести свою роль, – повысила голос старшая фрейлина, с неодобрением поглядев на нас.

Леди Рутвель тотчас приняла более благопристойный вид и, развернув полоску пергамента, выполнила распоряжение.

– А вы, Нежный взор, встаньте, пожалуйста, вот сюда и смотрите в ту сторону.

Я сделала, как было велено, пережидая, когда кончится репетиция. Слов мне не досталось, так что особой нужды в моем присутствии не было. Меня с легкостью могла бы заменить колонна. Зато Алекто, которой не нравилась доставшаяся личина, старалась изо всех сил, с прилежанием выполняя все распоряжения старшей фрейлины.

Ближе к концу репетиции, когда моя героиня удалялась,

ко мне приблизился слуга с сообщением, что меня ждет его величество. Поймав взгляд Бланки, заклинавший меня при- держиваться плана, я двинулась за ним.

* * *

– Так вам тоже досталась роль?

– Не понимаю, о чем вы, ваше величество.

– Сделаем вид, что и я не понимаю. Итак, я готов к пер- вому уроку.

Омод раскинул руки в жесте «я весь ваш». Мы находились в его покоях.

– Что ж, тогда начнем.

– Я должен как-то к этому подготовиться?

– В особенности никак. Вы должны просто... позвать.

– Я не стану этого делать, – резко ответил он, сразу поняв, о ком я.

– Вам необязательно звать того, кто вам неприятен, хотя именно сложный случай стоило бы проработать в первую очередь. Вы можете позвать Дикки. Для начала.

– Так тот... третий, он слышит все, о чем мы сейчас гово- рим? И знает, что со мной происходит?

– Нет. Он не слышит вовсе или знает о происходящем с вами лишь в общих чертах. Как и вы не знаете о том, что происходит с ним и вашим младшим братом. Вы ведь не зна- ете?

Омод дернул плечом. Он явно чувствовал себя неловко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.